ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 40 (2423) Среда, 19 мая 1948 г. Цена 40 коп.

ОТВЕТ И. В. СТАЛИНА на Открытое письмо г. Уоллеса

Я думаю, что в ряду политических документов последнего времени, имеющих своей целью упрочение мира, налаживание международного сотрудничества и обеспечение демократии, Открытое письмо г. Уоллеса, кандидата в президенты США от третьей партии, является наиболее важным документом.

Открытое письмо г. Уоллеса нельзя считать простой декларацией о желательности улучшения международного положения, о желательности мирного урегулирования разногласий между СССР и США, о желательности изыскания путей для такого урегулирования. Недостаточность заявления правительства США от 4 мая и ответа правительства СССР от 9 мая состоит в том, что они не идут дальше декларирования желательности урегулирования советско-американских разногласий.

Важное значение Открытого письма состоит в том, что оно не ограничивается декларированием, а идет дальше, делает серьезный шаг вперед и дает конкретную программу мирного урегулирования разногласий между СССР и США.

Нельзя сказать, что Открытое письмо г. Уоллеса охватывает все без исключения вопросы разногласий. Нельзя также сказать, что некоторые формулировки и комментарии Открытого письма не нуждаются в улучшении. Но не в этом теперь главное. Главное состоит в том, что г. Уоллес делает в своем письме открытую и честную попытку дать конкретную программу мирного урегулирования, конкретные предложения по всем основным вопросам разногласий между СССР и США.

Эти предложения известны всем: о всеобщем сокращении вооружений и запрещении атомного оружия; о заключении мирных договоров с Германией и Японией и о выводе войск из этих стран; о выводе войск из Китая и Кореи; об уважении суверенитета отдельных стран и невмешательстве в их внутренние дела; о недопущении военных баз в странах, являющихся членами Организации Об'единенных Наций; о всемерном развитии международной торговли, исключающей всякую дискриминацию; о помощи и экономическом восстановлении пострадавших от войны стран в рамках Организации Об'единенных Наций; о защите демократии и обеспечении гражданских прав во всех странах и т. п.

Можно соглашаться или не соглашаться с программой г. Уоллеса. Но одно все же несомненно: ни один государственный деятель, имеющий заботу о мире и сотрудничестве народов, не может пройти мимо этой программы, ибо она отражает надежды и стремления народов к упрочению мира и несомненно будет иметь поддержку со стороны многих миллионов «простых людей».

Я не знаю, одобряет ли правительство США программу г. Уоллеса, как базу для соглашения между СССР и США. Что касается правительства СССР, то оно считает, что программа г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для такого соглашения и для развития международного сотрудничества, ибо правительство СССР считает, что несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и безусловно необходимы в интересах всеобщего мира.

17 мая 1948 года.

Москва.

Вступление в трудовую жизнь

«Отцы и дети ведут борьбу между собой за работу...» Под таким хлестким заголовком описывала незадолго до войны падкая на сенсации американская печать трагедию двух поколений американского народа. «С одной стороны, — сообщали газеты, — сыновья моложе 25 лет, чьи руки не могут найти применения, с другой, — отцы, мужчины старше 40 лет, рабочие-ветераны, выкинутые кризисом с фабрик и заводов и до сих пор не взятые обратно на работу...» Закончилась война, и снова стоят друг против друга два поколения — отцы и дети; родители, которые всю жизнь сгибались под тяжестью непосильного труда, ныне видят своих детей безработными, надломленными, павшими духом.

У нас, в Советской стране, нет и не может быть противопоставления стариков молодым, у нас нет и не может быть вражды из-за права на работу между двумя поколениями.

Создав свыше семи лет назад новую систему подготовки кадров рабочих в виде ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения, советское государство полностью взяло на себя заботу о материальном обеспечении учащихся. За первые пять лет существования трудовых резервов на подготовку молодых рабочих было израсходовано двенадцать миллиардов рублей, а в 1947 году на подготовку трудовых резервов было отпущено около семи миллиардов рублей.

Свыше трех миллионов молодых рабочих, окончивших за семь лет училища и школы трудовых резервов, усилили предприятия промышленности и транспорта, площадки новостроек. Не знают поколения советских людей того, что пришлось переживать когда-то, до революции, рабочим. Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Николай Михайлович Шверник, старый металлист, которого сегодня весь народ поздравляет с шестидесятилетием, вспоминает о том, как он в 1911 году оказался безработным и очутился у ворот Таганрогского металлургического завода. Там «собралось тысячи полторы людей, пришедших со всех концов России... Среди разношерстной толпы немало заслуженных квалифицированных пролетариев: прокатчиков, доменщиков, токарей, слесарей... Лежа на бурьяне, люди все время поглядывают на проходные ворота. Вдруг оттуда выходит мастер-иностранец и говорит, что требуется несколько человек для работы в доменном цехе. Сразу встают сотни людей и, толкая друг друга, наперерыв предлагают свои услуги, демонстрируя свою физическую силу. Мастер отбирает десяток наиболее крепких силачей, быстро скрывается с ними за воротами, а остальные, понуря головы, остаются снова ждать удачи».

Наш рабочий, советский рабочий, не знает такой картины!.. Он приходит в коллектив, как желанный товарищ.

В борьбе за осуществление пятилетки в четыре года бывшие воспитанники трудовых резервов показали себя верными сыновьями Родины. Нет в нашей стране предприятия, где бы не работали сейчас юноши и девушки, окончившие училища и школы трудовых резервов. Заслуженным почетом и славой овеян труд многих из них. Бывший воспитанник школы ФЗО Иван Проничкин, инициатор скоростных методов проходки в горнорудной промышленности, стал лауреатом Сталинской премии наравне с учеными и артистами, писателями и художниками. По труду молодого магнитогорского сталевара, вышедшего из школы трудовых резервов, Василия Серкова равняются тысячи металлургов Советской страны. Таких молодых рабочих десятки тысяч. Их труд, их борьба будут темой многих и многих произведений советских писателей — инженеров человеческих душ.

Послевоенная сталинская пятилетка предусматривает подготовку в системе трудовых резервов четырех с половиной миллионов рабочих. В ближайшие недели в промышленность, транспорт, на стройки вливаются десятки тысяч окончивших ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского ученичества. Именно в эти дни советская писательская общественность, чрезвычайно заинтересованная в росте молодых кадров нашей Родины, привлекает внимание страны к важному вопросу. Мы публикуем сегодня статью писателя Владимира Курочкина «За это отвечает завод». Приводимые в этой статье факты и примеры невнимания заводских организаций «Красного Сормова» к культурно-бытовому положению и производственному росту молодых рабочих требуют немедленного вмешательства. С подобной картиной никак нельзя мириться!

Подготовка и воспитание трудовых резервов — сложное дело. Но это дело почетное! Указывая на трудности воспитательной работы и подготовки молодежи, на необходимость особого, чуткого подхода к этому делу, Михаил Иванович Калинин говорил: «...товарищ Сталин неоднократно подчеркивал, что мы не можем относиться безразлично к тому, как у нас пополняется рабочий класс. Мы хотим, чтобы туда шла лучшая часть нашего населения, чтобы в политическом и интеллектуальном отношении рабочий класс в советском обществе стоял высоко». И каждый, от кого это зависит, должен сделать все для того, чтобы поднять качество подготовки нового пополнения рабочего класса, создать для него образцовые условия труда и быта.

Между тем на закончившемся несколько дней назад совещании секретарей комсомольских организаций предприятий промышленности и транспорта секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов отмечал, что многие предприятия не подготовлены к приему нового пополнения воспитанников трудовых резервов, которое придет в мае—июле. Особенно отличается этим Кемеровская область. Сорвано выполнение планов жилищного строительства Министерствами черной металлургии и резиновой промышленности. Министр строительства топливных предприятий СССР тов. Задемидко вынужден был сознаться на совещании в ЦК ВЛКСМ, что на ряде подведомственных ему строек бездушно относятся к культурно-бытовым запросам молодежи. Что же предпринимает министр тов. Задемидко для того, чтобы пресечь подобную практику, идущую вразрез со всеми законами советской жизни?

Вполне уместно напомнить, что Министерству трудовых резервов предоставлена возможность следить за судьбой бывших воспитанников ремесленных училищ на предприятиях, контролировать правильность использования молодых рабочих в соответствии с полученной квалификацией и требовать создания нормальных бытовых условий для них. Но министр тов. Пронин не использует это право.

Наша молодежь добилась больших успехов в борьбе за выполнение пятилетки в четыре года. Нужно сделать все для роста ее квалификации, повышения культурного уровня, под'ема ее политической и трудовой активности, чтобы во всех отношениях стояло высоко молодое пополнение рабочего класса!

Владимир КУРОЧКИН

За это отвечает завод

Год назад я задумал написать книгу о молодом пополнении рабочего класса. В Министерстве трудовых резервов СССР мне посоветовали поехать в Горьковскую область и указали хорошую школу фабрично-заводского обучения при заводе «Красное Сормово», знаменитом своими трудовыми традициями.

Помню, как ребята-новички ходили в сопровождении старых мастеров по заводу, слушали рассказ о его столетней жизни, с волнением оглядывали огромные цехи, где им предстояло сначала учиться, а потом и работать.

В новомартеновском цехе при мне их познакомили со сменным мастером Александром Букмазом. Он был не намного старше новичков по возрасту и рассказал к тому же, что всего лишь три года назад сам окончил их школу. Потом они увидели Егора Голяцкого, мастера. Тоже был не старик: три года назад кончил школу и зарабатывал теперь до 2.500 рублей в месяц. Наконец, к новичкам подошел начальник смены Виктор Яковлев. Это был уже знаменитый человек на заводе; несмотря на свои двадцать лет, он имел под началом восемьдесят рабочих, с которыми варил сталь высокого качества, разливал ее по изложницам и отправлял в другие цехи. Ребята с изумлением озирали его огромное хозяйство: и шихтовой двор, и литейный пролет, и обрубной участок.

Впечатлений было много, особенно для ребят, приехавших из деревень, — впервые открывался перед ними совершенно другой, не знакомый им, и влекущий, и немного пугающий мир.

Потом началось учение. Не легко привыкали они после дома к трудовой дисциплине. Не сразу раскрывались перед ними тайны выбранных профессий. Наконец, мастера перестали их считать новичками, а я, незаметно для себя самого, стал называть их «моими» — привык к ним и выбрал тех, кого хотелось сделать героями повести.

Я написал эту повесть и назвал ее «Бригада смышленых».

И вот недавно я получил от учащихся школы ФЗО при Сормовском заводе приглашение приехать на их читательскую конференцию. Я поехал. Мои читатели обсудили книгу: хвалили, что нравилось, а кое с чем не согласились и критиковали. Своими разумными суждениями они невольно напомнили мне тех, кого я знал год назад. Те ребята стали молодыми рабочими. Захотелось разыскать их на заводе.

Мне повезло. Я сразу же встретил в новомартеновском цехе Борю Бессонова, паренька из Арзамаса, которого я приметил когда-то в школе. Теперь он был третьим подручным сталевара, я тут же, у мартена, и поговорил с ним. Он был доволен работой. Из нескольких слов, оброненных им, я понял, что он уже испытал то радостное чувство, которое знакомо каждому, кто непосредственно осязает реальные результаты своего труда. Он и зарабатывал неплохо — в свои восемнадцать лет не менее 800—900 рублей в месяц.

Когда я спросил его о товарищах, он замялся — об одних он мог сказать, что они на заводе, но, что случилось с другими, он просто не знал. Или не захотел говорить.

Странное и непонятное дело! Я не нашел у мартеновских печей некоторых молодых сталеваров, бывших воспитанников ФЗО. Не было Кувырзина, Сурова. Миша Кочешков был переведен в чернорабочие по непостижимой причине, и я даже не знал: радоваться или огорчаться. Дело в том, что он не захотел оставить учебу в седьмом классе вечерней школы, которую начал посещать, еще будучи воспитанником школы ФЗО.

Особенно неприятно было мне узнать о том, что ушел с завода Виктор Яковлев— начальник смены, тот самый юноша, поразивший год назад воображение новичков.

— Пойдем в колесопрокатный, — предложил я комсоргу ФЗО, сопровождавшему меня.—Помню, туда пошло много хороших ребят. Неужели их тоже нет?

— В прошлом году, — ответил комсорг, — мы передали из школы в колесопрокатный 117 прессовщиков, но многие из них использовались не по специальности. В результате цех потерял 60 человек.

В чем же дело? Знают ли об этом руководители завода, общественность, коммунисты «Красного Сормова»? Знает ли об этом комсомольский коллектив?

И вот у меня на руках официальная бумага, скрепленная подписью начальника отдела кадров заводоуправления тов. Чуплыгина. Это — «справка о движении рабочих гострудрезервов завода «Красное Сормово».

Вдумайтесь только — **о движении!** Куда?

Из ворот завода...

Вот они — цифры. В 1947 году завод принял из ремесленных училищ и школ ФЗО 1.322 подготовленных молодых рабочих. В том же году с завода уволились 1.343 бывших воспитанника училищ и школ.

Многим хозяйственникам в цехах задавал я один и тот же вопрос: «Почему уходят?..»

По-разному об'ясняли.

По существу же ответ сводился к одному: «Придя из школы, выпускники в первые месяцы не выполняют норм, соответствующих их разряду. И часто, в деловой сутолоке, когда некогда подумать, их начинают ставить на подсобные работы — чернорабочими. Заработки снижаются. Столкнувшись с трудностями самостоятельной жизни, молодежь пасует...»

Но ведь это само собой разумеется, что поначалу молодежи в цехе непривычно и тяжело! Об этом еще и Михаил Иванович Калинин говорил учащимся ремесленных училищ и школ ФЗО. Трудно — потому что еще не воспитаны любовь к профессии и профессиональная гордость. Трудно — потому что еще не заслужил уважения у старых производственников.

Кто же может оправдывать свое равнодушие к судьбе этих ребят ссылками на их слабую квалификацию? Да и верно ли это! Так ли?

И тогда я снова пошел в заводоуправление. Там мне сообщили, что за первый квартал 1948 года учащиеся хорошо знакомой мне школы дали 2,3 процента всей продукции огромного завода; что двадцать молодых прокатчиков заработали в феврале 14 тысяч рублей; что ученики-прессовщики выполняют нормы на 110 процентов, — и это в том самом колесопрокатном, откуда в прошлом году ушло 60 молодых рабочих!

— Пусть выполняют нормы, тогда все будет хорошо, — сказал мне тов. Чуплыгин и, помолчав, как бы нехотя добавил: —Школы развивают у ребят иждивенческие настроения. Вот о чем бы не мешало подумать...

Нет, тут дело не в этом, тов. Чуплыгин. Вы придумали ложную, плохую теорийку, которая годится только для оправдания людей, не умеющих или не желающих позаботиться по-настоящему о молодом пополнении. Я узнал факты, о которых надо говорить всерьез.

Формовочный цех... В нем после работы ночуют несколько подростков-рабочих. Они спят близ кузницы у теплой стенки, спят за опоками для формовки. Я знаю фамилии этих ребят — Балябин, Илинархов и Дикарев. И дело тут не только в койке заводского общежития. Дело — в серьезном бытовом неустройстве. Вот, например, Илинархов. Несмотря на приличный заработок, он не обзавелся бельем. Иная семья может строить свой бюджет на заработках такого паренька, а ему нехватает! И он стыдится товарищей, он не пойдет ни в какое общежитие. Никто не поможет ему дельным советом, не пригладит за тем, как он расходует заработанные деньги, чтобы хватало на жизнь, а не только на пиво и сладости в первые дни получки.

Чугунолитейный цех... В нем молодые работницы не имеют ящиков для хранения спецодежды, нет даже места для переодевания. И завтрак, принесенный из дому, приходится прятать, куда попало.

Механические цехи... Молодые рабочие — специалисты по холодной обработке металла — не обеспечены хорошим инструментом и поэтому не выполняют нормы.

Общежитие на Дивизионной улице... На первый взгляд, все чисто и прилично, даже кружевные покрывала на иных постелях. Но я попал туда в воскресный день, когда все были дома. Какая же скука царила там, — смертная скука! У комендантов общежитий есть и баяны, и шахматы, и волейбольные мячи. Но они предпочитают их держать в кладовых. В школе было куда веселее в часы досуга — там и самодеятельность и интересные беседы.

Заводской коллектив, состоящий из старых, любящих дело производственников, не прохоятил к делу всех, кто пришел. Старый завод не сумел усыновить каждого. Заводская среда многих не втянула в свою многообразную и интересную жизнь. Цех не стал близким и родным.

Я не мог не зайти в заводской комитет комсомола. Секретарь комитета тов. Маркова со всем согласилась: действительно, что-то неладно с молодыми рабочими у них на заводе. Она даже дополнила картину — рассказала о токаре Ане Воронцовой. Случилась беда, девушка заболела и полгода пробыла в больнице. Никто ее не навестил. Хоть бы один человек из цеха! Нет, никто.

— Полгода?!..

— Да, полгода.

И хорошо вам спится, товарищи комсомольские организаторы? Так, если сказать по совести?.. Где же тот «огонек», который, по меткому слову М. И. Калинина, должны были бы вы, помощники партии, подкладывать под тех руководителей, кто, владея жизненным опытом и знаниями, уже несколько поостыли в жизни?

Мне не пришлось повидаться с директором «Красного Сормова» тов. Рубинчиком: он был занят на партийной конференции. И я не смог сказать ему:

— Товарищ Рубинчик, вы рачительный хозяин, и не мне доказывать вам, что миллионы рублей наша страна расходует на дело обучения молодых рабочих не для того, чтобы затем на заводах нерасчетливо распыляли эти кадры. Почему на «Красном Сормове» такая большая текучесть молодых рабочих? Мы знаем, что жизнь идет вперед и техника вашего завода усложняется, обогащается новыми агрегатами. Растут, стало быть, и требования, пред'являемые к рабочим. Скажите об этом отчетливо, по-большевистски людям, отвечающим за подготовку трудовых резервов. Но, сказав об этом, признайте и за собой большую долю ответственности.

СОРМОВО. Горьковская область.

Юбилейные торжества в Ташкенте

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Праздник узбекского народа, посвященный пятисотлетию со дня рождения основоположника узбекской литературы Алишера Навои, начался 15 мая торжественным заседанием в новом ташкентском здании Театра оперы и балета, носящего имя поэта.

О высокой культуре народов советского Востока, далеко шагнувших вперед по пути, озаренному гением Ленина—Сталина, говорил председатель Совета Министров Узбекистана тов. А. Абдурахманов, открывший торжественное заседание. Об этом говорили в своих докладах председатель Союза советских писателей Узбекской ССР, действительный член Академии наук Узбекистана тов. М. Айбек и делегат Таджикистана поэт М. Турсун-Заде.

Константин Симонов — председатель торжественного заседания, выступив от имени правления Союза советских писателей СССР, сказал:

— Только в наше сталинское время Алишер Навои перешагнул пределы своего родного края. Он пришел в Россию, на Украину, в Армению, Латвию, Казахстан, Грузию. Рядом с именами Пушкина и Шевченко, Руставели и Низами советский человек упоминает и имя великого Алишера. Мы благодарим узбекский народ за то, что он дал нам такого великого поэта.

До глубокой ночи звучали с трибуны торжественного заседания слова приветствий представителей братских республик узбекскому народу в честь великого поэта.

Выступали также прибывшие для участия в юбилейных торжествах профессор Тегеранского университета г-н Али Аскер Хикмет и афганский поэт г-н Сервер Гуя.

В ознаменование юбилея Навои почти все союзные республики принесли свои дары братскому Узбекистану. Их можно увидеть на юбилейной выставке, посвященной жизни и творчеству поэта. Среди них — поэмы великого узбекского поэта, изданные на языках Пушкина и Шевченко, Янки Купалы и Райниса, Шота Руставели и Низами, Джамбула и Токтогула.

С горячей благодарностью встретил узбекский народ сообщение делегата Азербайджана, писателя тов. Рагимова о передаче Узбекистану древней рукописи лирических газел Навои, переписанной в Герате Али-ибн-Нуром при жизни поэта.

Туркменская делегация преподнесла книгу народных сказаний об Алишере Навои, записанных в Туркменистане.

17 мая в зале заседаний Верховного Совета Узбекистана, где открылась юбилейная сессия Академии наук Узбекской ССР, русские академики и профессоры приветствовали узбекских ученых. На этой сессии директор Гослитиздата проф Ф. Головенченко под бурную овацию зала передал президенту республиканской Академии наук тов. Сарымсакову великолепные издания поэм Алишера Навои на русском языке.

С большим интересом гости из братских республик выслушали доклады узбекских ученых и литераторов Я. Гулямова, В. Захидова, Гафур Гуляма, И. Султанова, Г. Каримова. Они рассказали об эпохе Навои, о мировоззрении великого узбекского поэта, о его современниках, о влиянии поэта на развитие литературы народов Востока, о великих гуманистических идеях Навои, находящих тысячекратное отражение в нашей советской действительности.

Сессия закончилась 18 мая. Участники ее с большим воодушевлением приняли приветствие товарищу И. В. Сталину.

* *

В дни юбилейных торжеств в Ташкенте заложен памятник великому поэту. Имя Навои присвоено ташкентской публичной библиотеке, получившей новое прекрасное здание.

На закладке памятника и открытии библиотеки присутствовали все делегаты братских республик.

Гости Узбекистана выехали в Самарканд, где жил и учился Алишер Навои.

Б. КРИНИЦКИЙ.

Дар Туркмении

В честь юбилея Алишера Навои в Туркменистане изготовлен замечательный подарок братскому узбекскому народу. Это ковер размером в 1,5 квадратных метра, на котором с большим мастерством исполнен портрет великого поэта-гуманиста. Ковер выткан знаменитыми ковровщицами Туркмении — депутатом Верховного Совета республики, заслуженной ковровщицей Айна Нурыевой и Таган Маммедбердыевой. Подарок изготовлен в Ашхабадской экспериментальной ковровой мастерской по заказу Союза советских писателей Туркменской ССР.

Николай АТАРОВ

ПЕРВЕНСТВО МИРА

В эти дни на больших столичных заводах и на степных линейных полустанках, в школьных клубах и на полярных зимовьях, в армейских гарнизонах от Берлина до Курильской гряды, в университетах, на курортах, в коммунальных квартирах, повсюду, где есть доска, графленая на шестьдесят четыре поля, и тридцать две фигурки на ней, и две склоненных над ними головы, — повсюду советские люди испытывают радостное и по-праздничному особенное чувство.

Закончился нашей победой матч-турнир на первенство мира. Чемпионом мира стал лидер советской шахматной школы — Михаил Ботвинник.

Если признаться, каждый из нас, советских шахматистов, сегодня чувствует себя немножко чемпионом мира. Я не говорю уже о тех, кто никогда не забудет час того сумасшедшего везения, когда он однажды, где-то в профсоюзном клубе выиграл у Ботвинника в сеансе одновременной игры на ста двадцати досках, а если и не выиграл, так сделал ничью или, по крайней мере, проиграл со смыслом. Я говорю о тех шахматистах и не-шахматистах, кто по праву видит нечто глубоко личное в победе Ботвинника,—видит в ней моральную победу нашего стиля жизни, нашего характера, нашего образа мысли.

Там, где не «ставят» на гроссмейстера, как на беговую лошадь или номер в рулетке, а как друзья соучаствуют в его борьбе, — там особое значение приобретает стиль победы, ее характер, ее природа.

Это был настоящий бой. Три советских шахматиста — Ботвинник, Смыслов и Керес — сумели придать всемирному состязанию характер молодости, бескомпромиссности, творческой непосредственности. Они победили в волевых и энергичных партиях, а не в соревновании на меньшее количество ошибок. Из пятидесяти партий— только девятнадцать ничьих.

Когда-то Капабланка, делая в начале матча с Ласкером почти только одни ничьи, грозил шахматному миру «ничейной смертью». Он утверждал, что знание дебютов и шахматной техники настолько ныне усовершенствовано, что трудно выиграть даже у слабейшего игрока. И в самом деле, матч на первенство мира между Капабланкой и Алехиным дал из 34 партий 25 ничьих. В Амстердамском АВРО-турнире вничью закончилось 57 процентов партий. Первая восьмерка гроссмейстеров в Ноттингэме свела между собой вничью 60 процентов партий. Солидная «ничья», застарелая болезнь буржуазного шахматного профессионализма, оказалась начисто преодоленной в мировом состязании, в котором победили советские люди.

Советские шахматисты трех поколений в условиях небывалого расцвета шахматной жизни в СССР разработали, вернее сказать, создали свой совершенный стиль игры. Он импонирует сегодня всему миру. В его глубокой основе заложена русская национальная шахматная традиция, чигоринская традиция.

Всеми качествами советской школы, соединенными с исключительным природным талантом, обладает чемпион мира Михаил Ботвинник — кандидат технических наук, воспитанник Ленинского комсомола, член партии. В его игре — размах и глубина замыслов, отвращение к педантичной рутине, предприимчивость и дерзость атаки, упорство и выдержка в обороне, умение вовремя перехватить инициативу и тотчас завязать активное контрнаступление на всей доске одновременно.

Второе место занял молодой Смыслов. Десять лет назад, в мае 1938 года, он еще учился в десятом классе средней школы, был только перворазрядником в шахматном деле, успешно сражался с отцом в семье и с одноклассниками в школе. Теперь он стал одним из ведущих лидеров шахматного мира. Ему 27 лет, — все возможности в будущем.

И третий представитель Советского Союза — эстонец Пауль Керес, шахматист огромного дарования, хоть и сыграл далеко не в свою силу, а все же не дал себя опередить зарубежным гроссмейстерам и поделил третье-четвертое места с чемпионом США Решевским.

Так, после ноттингэмских, амстердамских, гронингенских и прочих успехов и после положительного счета радиоматчей советских шахматистов с командами Великобритании и Соединенных Штатов Америки превосходство нашего шахматного оружия утверждено в мире и отныне неоспоримо.

Мы иногда проходим мимо общественного события, не замечая в нем символического торжества нашей жизни, нашего общественного строя.

Шахматную игру создают и вдохновляют три могучих разряда человеческой культуры — наука, искусство и спорт. Миллионы людей на нашей планете в часы досуга изучают глубокомысленные варианты шахматной партии, любуются ее эстетической прелестью и стремятся сами принять участие в борьбе. В этом смысле шахматы — какая-то удивительная игра, соединение отдыха и труда, забавного и серьезного, сгусток человеческой культуры.

В стране социализма шахматы стали народной игрой. Ни один беспристрастный и об'ективный наблюдатель не может не признать в этом одного из многих фактов превосходства нашей культуры.

Народная игра! Десять гроссмейстеров мирового класса, шестьдесят два мастера, сто девяносто кандидатов в мастера, тысячи шахматистов первой и второй категории... Это возможно только в стране, где в отборочных соревнованиях к Всесоюзному юношескому турниру участвуют десятки тысяч человек, где многотысячные рабочие коллективы выдвигают свои команды на турнир 24 заводов-гигантов, где осуществимо такое грандиозное событие, как первенство профсоюзов с участием 700.000 человек.

Нельзя, чтобы чемпион мира был одинок в своей стране, как, в сущности, одинок талантливый Решевский в США. И вполне естественно, что советский человек стал чемпионом мира.

Чувство ответственности, свойственное Михаилу Ботвиннику, есть подлинно советская черта характера. Она происходит из сознания своего места в коллективной жизни страны.

Дисциплинированность характера, активность воли, неослабевающая концентрация внимания, самообладание, реальная оценка обстановки и в то же время творческий оптимизм, как-будто сам притягивающий победу,—все эти качества изо дня в день создаются в характере миллионов людей всем стилем нашей жизни, всей атмосферой советского общества.

Борьба за наследие Белинского

И. СЕРГИЕВСКИЙ

Борьба, которая развернулась вокруг наследия Белинского буквально на следующий день после его смерти и длилась на протяжении едва ли не целого столетия, была исключительно напряженной и острой.

Реакционеры-крепостники очень рано разобрались в том, какого серьезного и опасного противника имеют они перед собою в лице Белинского. Полицейско-чиновничья расправа над юным автором «Дмитрия Калинина» была лишь прологом к тем постоянным преследованиям со стороны царских властей, каким всю жизнь подвергался «неистовый Виссарион». Вошедший в жизнь под грубые окрики университетского начальства, он уходил из жизни, сопровождаемый злорадным хихиканьем коменданта Петропавловской крепости Скобелева: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу».

После смерти Белинского самое имя его на долгие годы стало запретным, а за чтение его письма к Гоголю, хотя бы в интимном дружеском кругу, люди подвергались суровым карам, как за тягчайшее политическое преступление.

Однако ни прямые жандармские запреты, ни последовательная травля Белинского не принесли ожидаемых плодов. Если при жизни критика крепостникам не удалось ослабить его огромное влияние на передовые слои русского общества, прежде всего — на молодежь, то еще менее успешными оказались их попытки после смерти Белинского вытравить память о нем из русского общественного сознания. Иван Аксаков, славянофил, т. е. представитель враждебного Белинскому стана, вынужден был признать в 1856 году: «Много я ездил по России; имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю... «Мы обязаны Белинскому своим спасением»,—говорят мне везде молодые, честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных... ищите таковых между последователями Белинского».

Лобовые атаки против наследия Белинского со стороны реакционеров не прекращались на протяжении всего столетия. Достаточно вспомнить проклятия, которые посылал ему Достоевский в «Дневнике писателя». Достаточно вспомнить крикливую клоунаду Акима Волынского или злобные пасквили Айхенвальда, которые и сейчас невозможно читать без отвращения.

Но в нейтрализации влияния Белинского были заинтересованы не одни только «охранители». Революционно-демократическая сущность его мировоззрения не менее, чем для его явных противников, была чужда и неприемлема для его либеральных «друзей» — Анненкова, Боткина, Кавелина и других, которые разделяли с Белинским его вражду к царскому деспотизму и крепостническому гнету, но без всякого сочувствия относились к его пропаганде революционного преобразования действительности. До поры до времени дальше простой настороженности дело еще не шло. Революционно-демократические «излишества» неистового Виссариона представлялись его либеральным «друзьям» чем-то второстепенным и извиняемым в свете об'единявшей их общей борьбы против самодержавия и крепостного права.

Положение резко меняется позднее, когда выпавшее из рук Белинского знамя освободительной борьбы было подхвачено и высоко поднято великими продолжателями его дела — Чернышевским и Добролюбовым. Именно в эту пору—в пору решительного размежевания двух исторических тенденций в жизни русского общества: либеральной и революционно-демократической, — завязываются узлы той борьбы вокруг имени Белинского, о которой мы говорили.

Анненков, под флагом защиты Белинского от наветов его врагов справа, решительно и безапелляционно заявлял, что ни одно из увлечений Белинского, «ни один из его приговоров, ни в печати, ни в устной беседе не дают права узнавать в нем, как того сильно хотели его ненавистники — любителя страшных социальных переворотов, свирепого мечтателя, питающегося надеждами на крушение общества, в котором живет»; что «у Белинского не было первых, элементарных качеств революционера и агитатора, каким и его хотели прославить».

Такая откровенность была, однако, исключением. Чаще либеральные фальсификаторы наследия Белинского проявляли значительно бо́льшую «гибкость», избегая сколько-нибудь категорических формулировок, хитря и маневрируя. Типичны в этом отношении выступления Кавелина — этого, по определению Ленина, «одного из отвратительнейших типов либерального хамства». Основной тон всех его выступлений о Белинском — более чем панегирический; но между обильными и многословными рассуждениями о нравственных достоинствах Белинского Кавелин, как будто бы мимоходом, рассыпает замечания о «чудовищных преувеличениях» неистового Виссариона, о том, что «он в своих суждениях часто бывал не прав, увлекался страстью далеко за пределы истины» и т. д. В результате всех этих оговорок и увертываний достигалась та же цель, к которой Анненков шел напролом: читателю внушалась мысль о том, что благороднейший человек и тончайший ценитель поэтических красот, Белинский, как политический деятель, не выдерживал, видите ли, никакой критики.

Такая тенденция заметно проступает в воспоминаниях Тургенева о Белинском, внутренняя полемическая направленность которых против Чернышевского и Добролюбова была разгадана уже современниками.

В тех же либеральных кругах была создана легенда о полной идейной зависимости Белинского от философско-эстетической мысли Запада, о его мнимом космополитизме, — легенда, пустившая чрезвычайно прочные корни и в позднейшей буржуазной публицистике, и в академической историко-литературной науке.

Грубо искажали либералы реальное положение вещей, отождествляя воззрения Белинского на пути исторического развития России со своими собственными взглядами по этому вопросу. Несомненно, Белинскому ясна была вздорность реакционных иллюзий славянофилов, полагавших, что Россия сможет миновать тот путь капиталистического развития, на который вступили другие европейские страны, — в этом смысле у него были, конечно, известные точки соприкосновения с западниками. Но ему была решительно чужда присущая западникам идеализация буржуазных порядков. Путь к обновлению русской жизни он видел в развертывании революционной борьбы эксплоатируемых против эксплоататоров.

Революционные демократы последовательно боролись против либеральных искажений истинного исторического облика великого критика. Добролюбов такими словами характеризовал значение произведений Белинского для идейного формирования молодого поколения: «Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающего, мы мечтали об иных людях, об иной деятельности и искренно надеялись встретить когда-нибудь таких людей и восторженно обещали посвятить себя самих такой деятельности». Совершенно ясно, какие именно «иные люди» и «иная деятельность» имелись здесь в виду.

Революционные демократы подчеркивали, что Белинский не признавал «чистого искусства» и считал обязанностью искусства служение интересам жизни, что «критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы об'яснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять в жизни как одна из главных сил, управляющих ее развитием».

Горячо ополчались революционные демократы против всех попыток принизить черты национального своеобразия и самобытности в наследии Белинского.

«С того времени, — писал Чернышевский, — как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике Гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету. Белинский и главнейшие из его сподвижников стали людьми вполне самостоятельными в умственном отношении».

В статьях Плеханова получил дальнейшее развитие тезис революционных демократов о Белинском, как выдающемся революционном мыслителе. Плеханов выступил против попыток либералов свести все значение Белинского к ценности его чисто эстетических оценок. «Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, — писал он, — но также обнаружил изумительную проницательность в постановке, — если не в решении — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития».

Однако Плеханов допустил в своих работах о Белинском ряд серьезных ошибок. Так, он в большой мере оказался во власти легенды о мнимой зависимости Белинского от философско-эстетической мысли Запада. Плеханову не дано было в полном об'еме раскрыть значение Белинского для революционной борьбы русского пролетариата. Разрешена была эта задача в трудах Ленина и его учеников.

Ленин совершенно четко определяет место Белинского в истории освободительной борьбы русского народа против царизма и угнетения, указывая, что Белинский еще при крепостном праве явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении».

Характеризуя письмо Белинского к Гоголю, как «итог литературной деятельности» великого революционного мыслителя, Ленин называл этот документ «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

В другом месте, разоблачая попытки кадетских публицистов из сборника «Вехи» «развенчать» Белинского, Ленин писал: «Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения». «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар».

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»

Итак, «настроение крепостных крестьян против крепостного права», — вот какова социальная основа общественного мировоззрения Белинского и его борьбы против царского деспотизма и помещичьей кабалы.

Насколько характерными представлялись Ленину выступления либералов против Белинского как выражение контрреволюционной сущности либерализма, видно из того, что в публичном реферате о «Вехах», прочитанном Лениным в Париже 26 ноября 1909 года, один из разделов был прямо озаглавлен «Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами».

Большевики до конца опровергли пущенную в оборот либералами легенду об идейной несамостоятельности Белинского, о том, что на протяжении всей жизни он, якобы, только тем и занимался, что «осваивал» те или иные заимствованные с Запада философские и политические системы, с легкостью преуспевающего ученика переходя из шеллингианского «класса» в фихтеанский, из фихтеанского — в гегелианский, из гегелианского — в фейербахианский и т. д.

Великий трибун пролетарской революции С. М. Киров, выступая в дни 100-летнего юбилея со дня рождения Белинского, назвал его «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма».

Отмечая, что западноевропейские источники сыграли свою роль в идейном формировании Белинского и что одним из таких источников была немецкая идеалистическая философия, С. М. Киров говорил далее: «Но не немецкой философии, конечно, суждено было успокоить «неистового Виссариона»... «Действительность», провозглашенная зрелым Белинским «лозунгом и последним словом современного мира», — «это не «пошлая действительность» фихтеанства и не гегелевская «разумная действительность» — действительность Белинского покоится на идее социальности»...

Победивший в великой социалистической революции советский народ, законный и полноправный преемник всего лучшего, что было создано человечеством в период его «предистории», помнит и чтит Белинского, как пламенного патриота великой Родины, как страстного и непримиримого борца против самодержавия и крепостничества, как выдающегося революционного мыслителя и публициста, как основоположника научной эстетики в России, создателя передовой критики.

В один из самых напряженных моментов Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, когда гитлеровские полчища рвались к сердцу нашей Родины—Москве, великий вождь народов товарищ Сталин назвал имя Белинского в ряду имен тех лучших сынов России, которые составляют нашу величайшую славу и гордость, в деятельности которых с наибольшей полнотой воплотился творческий гений народа. Эта оценка достойно определяет значение Белинского для нашей эпохи, для нашей социалистической культуры.

Статья полностью печатается в томе «Литературного наследства», посвященном Белинскому.

Ф. ВИГДОРОВА

Повесть о хорошем сыне

«Сегодня день моего рождения. В подарок от мамы я получил эту тетрадь... Я решил записывать здесь все, что увижу или услышу». Так начинается книга Н. Кальмы «Тетрадь Андрея Сазонова».

С первых же страниц «тетради» мы узнаем, что автору дневника, Андрюше Сазонову, двенадцать лет и что живет он с мамой, а отец его погиб на фронте.

Андрюша нравится читателю. Подкупают мягкость и та большая любовь, с которой он говорит о матери, живое внимание и интерес в его отношении к людям и ко всему, что делается вокруг. Он немногословен, по-хорошему сдержан даже тогда, когда рассказывает о самом тяжелом, о чем говорить больно и трудно.

В жизни Андрюши Сазонова происходят события, о которых очень и очень нелегко рассказать, — они и радостны и в то же время трагичны. Оказалось, что отец его жив. Но он лишился рук, слуха и речи. Контузия затуманила сознание отца. Он не понимает того, что происходит вокруг, даже не узнает самых близких людей — жену и сына. Мать Андрея глубоко подавлена. И мальчик понимает, — на нем теперь большая, огромная забота, он отвечает и за больного отца, и за мать, — она много работает и устает, и у нее очень тяжело на душе. Мальчуган ухаживает за отцом — кормит, поит, одевает, укладывает спать. В строчках дневника сквозят и боль, и неотступная тревога за отца: поправится ли он? Вернется ли сознание? Узнает ли он когда-нибудь своих близких? И в то же время Андрюша постоянно скрывает свое горе и волнение: его переживания не должны огорчать мать, не должны отражаться на школьных занятиях. Так мы становимся свидетелями подлинного воспитания чувств. Мы видим, как растет в мальчике ответственность, как крепнет любовь к отцу, как чутко, нежно и по-хорошему деловито заботится сын о матери. Обо всем этом рассказано бесхитростно, без самолюбования, без постоянной оглядки на себя — вот, мол, какой я хороший. И еще одно драгоценное чувство зреет в Андрее: он сознает, как это важно, когда ты нужен людям. Отец стал понемногу привыкать к постоянным заботам сына и научился узнавать его. Однажды, когда мальчик надолго отлучился из дому, больной пришел в страшное волнение, в отчаяние, а потом очень обрадовался его возвращению. И Андрюша пишет: «...я очень горжусь, что папа так меня полюбил. Наверное, он любит меня даже больше, чем раньше, потому что я стал для него очень нужный. А это так действует, когда ты кому-нибудь необходим. Тогда хочется быть хорошим, и сильным, и смелым, чтоб защищать и поддерживать того, кто на тебя надеется». Это хорошо и верно. И сказано без позы, правдиво и убедительно.

Ребята читают «Тетрадь Андрея Сазонова» с живым интересом — с этим не считаться нельзя. Дети всегда очень точно чувствуют правду, и их нельзя обмануть подделкой. В адрес автора книги пришло такое письмо:

«Очень прошу сообщить адрес Андрея Сазонова, чтобы мы с ним познакомились. У нас в семье такое же несчастье. Наш отец был старшина 1-й статьи, а сейчас находится, как инвалид 1-й группы, в состоянии капитана Н. Сазонова. Мать наша давно умерла, в семье только я, старший брат и отец. В книге сказано, что Андрей Сазонов ухаживал за отцом и учился. А мне хоть школу брось — нехватает времени. Когда я прочитал вашу книгу, я понял, что нужна сильная воля, чтобы никогда не отступать перед препятствиями. Андрей Сазонов учился, и я тоже буду продолжать учебу».

Этот мальчик всем своим существом почувствовал бы фальшь и неискренность в рассказе о том, что так важно, так близко ему самому. Однако он нашел в тетради Андрея ответ на мучивший его вопрос, значит, книга дошла до самого требовательного и строгого читателя. Это произошло потому, что характер Андрюши крепнет в борьбе с реальными, а не выдуманными трудностями, потому, что препятствия, которые встречаются на его пути, не смягчены, не сглажены. Писательница постаралась раскрыть внутренний мир мальчика, его интеллектуальный облик. Андрюша думает, ошибается, ищет, и вместе с ним думает и волнуется читатель. Это большая заслуга автора.

Книга Н. Кальмы написана в виде дневника. Форма эта не нова. Она часто прельщает авторов потому, что кажется — говоря от первого лица, сделаешь свой рассказ более непосредственным и убедительным. Но в данном случае нельзя не почувствовать, как мешает, как связывает автора избранная им форма.

Андрей Сазонов неглупый, начитанный, развитой мальчуган. Но как-никак ему всего двенадцать лет. Естественно, что о многом он попросту не в силах рассказать. Да и нелепо, если бы, описывая душевные движения и психологические тонкости, двенадцатилетний автор дневника заговорил с проницательностью и выразительностью, какую может проявить взрослый писатель. И потому в очень важных случаях речь рассказчика становится иногда незрелой, бедной.

«Он смотрел на меня, и глаза у него были такие добрые, что мне сразу сделалось легче», — пишет Андрюша Сазонов. Или: «У меня внутри как будто бы все перевернулось». Или: «И когда я отнес конверт в ящик, мне сразу стало легко и хорошо»,—и немного дальше: «Все на нас смотрели ласково, и мне от этого стало очень хорошо». И, наконец, на последней странице: «Он... так посмотрел на меня, что у меня сразу стало тепло внутри».

На Андрюшу сетовать не приходится, иначе он сказать не может, в его устах все «внутри стало» и «на меня смотрели» — естественны и неизбежны. Но разве этими словами можно исчерпать все, что действительно происходит в душе мальчика, и все, что можно сказать о его взаимоотношениях с людьми? От себя автор мог бы сказать несравненно больше.

Если о себе Андрюша еще в состоянии рассказать, — хотя и далеко не все, — то, рассказывая об окружающих, он совершенно беспомощен. И опять-таки иначе быть не могло, потому что рассказчику нехватает ни прозорливости, ни словаря — он ведь не психолог и не художник, он просто мальчуган, школьник, и видит и говорит только так, как это возможно в двенадцать лет. В повести есть девочка Соня. Она вместе со своими родителями работает в цирке и умеет проделывать всякие удивительные штуки. Комната ее полна необыкновенных вещей — тут и резиновые рыбы, и сверкающие обручи, и прочие предметы, называемые неслыханными и заманчивыми именами: «реквизит», «бутафория». К тому же Соня еще пишет стихи. Но ни ее экзотическая профессия, ни уменье писать стихи не делают образ живым. Это существо, изображенное в двух измерениях, образ весьма бледный и надуманный, да и все остальные друзья и знакомые Андрея Сазонова, кроме Винтика, — Паша, Вадим и другие — намечены поверхностно и схематично.

Письмо, которое мы привели выше, красноречиво говорит о том, что дети ищут в книге прямого ответа на большие, трудные вопросы, на то, что всего важнее, всего больше волнует их: как жить, какими быть, как поступать, когда от тебя требуется много силы воли, разума, чуткости, — иной раз даже больше, чем это тебе по возрасту. Чем убедительнее ответит писатель своим читателям, тем лучше выполнит он писательский долг.

Н. Кальма многому научила своих читателей, она ответила на большой и важный вопрос. Но писательница могла бы сказать и сделать еще больше, если бы не ограничила себя дневниковой формой повествования, если бы все характеры в книге получили должное развитие.

Н. Кальма. «Тетрадь Андрея Сазонова». Детгиз. 1948. 88 стр.

В. ШКЛОВСКИЙ

Покорители погоды

Книга М. Ильина написана на тему о том, как можно справиться с «ее величеством погодой».

Вначале рассказывается о том, как сильно мы зависим от погоды и как мы от нее обороняемся, когда она на нас нападает. «Что такое ураган, буря, гроза? Кто они — буйные герои этой книги?»

Во второй главе мы узнаем, как человек в первый раз начал думать о ветре. Автор разбирает строфы «Одиссеи» и доказывает, что картина бурь, данная в поэме Гомера, реальна. Метеоролог Б. П. Мультановский разгадал погоду «Одиссеи».

Мы начинаем понимать, как можно прочитать прошлое. Читатель узнает, как создавались приборы, при помощи которых человек разгадал загадку температуры и давления атмосферы. Оказывается, что барометр и термометр родились сросшимися, как сиамские близнецы. Их надо было раз'единить, чтобы каждый занимался своим делом и не мешал другому.

Вооруженное новыми приборами, человечество видит новые горизонты.

Но работа по овладению погодой была трудна. Мир огромен, и погода, записанная людьми, оказывалась портретом Гулливера, написанным лилипутами: лилипуты воспринимают великана лишь в отдельных, доступных глазу деталях.

Нужно было создать новую науку для того, чтобы мгновенные зарисовки погоды сменились пониманием всей машины погоды.

М. Ильин показывает, как накапливалось познание законов ветра и бурь. Он говорит о первых попытках предсказания погоды, как возникла в России служба погоды и как работал Александр Иванович Воейков.

Одна из лучших глав — «Путешествие в завтра». Это рассказ о том, как определяют завтрашнюю погоду.

В конце книги говорится о том, что мы уже научились понимать стихию, хотя человек и не стал еще режиссером погоды, а остается только ее зрителем.

М. Ильин много рассказал о «человеке и стихии». Иногда книга, может быть, слишком изобилует сведениями, становится подобной учебнику, но мы не решимся сказать, что это ее недостаток.

Для того, чтобы быть гражданином государства, которое по плану овладевает природой, для того, чтобы изменять природу вместе с другими и одновременно изменять самого себя, — для этого надо знать очень много.

Человек нового гуманизма — это человек, знающий широко. Это человек, вооруженный новой философией и рядом конкретных знаний, который видит природу целиком. Писать для этого человека очень трудно. Книга М. Ильина не только адресована этому человеку, но и о нем написана. Работа эта удачна. Может быть, не стоило вводить в нее некоторые профессорские шутки, которые, очевидно, должны облегчить чтение. Мало удачна, например, шутка о летчике, который торопился попасть за новогодний стол, не учел погоды, разбился и попал не за стол, а на операционный стол.

Может быть, имело бы смысл в конце глав давать не рисунки и заставки, а формулировки, выжимки глав. Может быть, к книге стоило бы приложить маленький словарик.

Книга читается легко, логика построения ее понятна. Она интересно иллюстрирована.

М. Ильин. «Человек и стихия». Ленинград. Гидрометеоиздат. 1947. 256 стр.

П. ЗИНЧЕНКО

ОБА ХУЖЕ

Пензенская областная библиотека им. Лермонтова выпустила в помощь пропагандисту, агитатору и культпросветработнику небольшую книжечку, посвященную В. Г. Белинскому. К сожалению, это хорошее дело выполнено авторами сборника Г. Карменяном и А. Цветковым несерьезно.

Мы встречаем здесь немало ошибок и неточностей. О пушкинских статьях Белинского почему-то сказано, что они напечатаны в 1841 году, тогда как они печатались с 1843 по 1846 год. Составители сборника ссылаются на воспоминания Головачева-Панаева не замечая того, что превращают автора известных воспоминаний из женщины в мужчину. И подобных, выражаясь академическим языком, «новаций» в сборнике немало.

На страницах местной газеты «Сталинское знамя» от 27 марта появилась рецензия А. Храбровицкого под названием «Незнание дела и неряшливость».

А. Храбровицкий оказался очень строгим и сердитым рецензентом. Однако в своей рецензии, написанной с благородной целью «защитить Белинского», А. Храбровицкий допустил еще более серьезные и неприятные ошибки. Так, он с возмущением цитирует:

«Несмотря на все цензурные строгости, Белинский в своих критических работах самым решительным образом выступает как против монархической власти, так и против дикого произвола крепостников».

Что же крамольного усмотрел рецензент в этих словах? Оказывается, формулировка, если верить А. Храбровицкому, означает не больше, не меньше, как «грубое искажение исторической истины».

Белинский, видите ли, самодержавие ненавидел, но выступать против него не решался—боялся цензуры. И в этом, мол, и состоит «основное трагическое противоречие жизни Белинского»! В доказательство рецензент приводит слова В. Белинского о том, что природа осудила его лаять собакой, а обстоятельства велят «мурлыкать кошкой, вертеть хвостом по-лисьи».

Если хоть на минуту согласиться с А. Храбровицким, перед нами сразу окажется уже не Белинский, а кто-то другой — двоедушный и трусливый.

Замечательная особенность «неистового Виссариона», как и всех великих революционеров-демократов, состояла в том, что, несмотря на цензурные рогатки и полицейские преследования, они, сдавленные, по выражению Ленина, «цензурным намордником», решительно и последовательно проводили в своих произведениях идею народной революции, идею борьбы с самодержавием и крепостничеством.

Заканчивая свою рецензию, А. Храбровицкий упрекнул авторов и областное издательство в том, что они оказали плохую помощь пропагандистам и агитаторам.

Но справедливости ради нужно этот упрек распространить на самого А. Храбровицкого и на редакцию газеты «Сталинское знамя».

Юрий ОЛЕША

СКАЗКА О ПТИЦЕ СИМУРГ

У народов Средней Азии есть много сказок о птице Симург. Подобно нашей жар-птице, птица Симург представляет собой символ счастья, которое улетает, которым никак нельзя овладеть.

Перед нами новая узбекская сказка о птице Симург. Ее написал советский поэт — Хамид Алимджан. В этой сказке птица Симург не улетела... Как это могло случиться?

В начале сказки — соревнование джигитов. Кто из них совершит прыжок на высоту векового чинара и вырвет этот чинар с корнем, тот получит руку дочери хана—прекрасной Паризад. Победу одерживает пастух Буньяд. Однако Паризад, согласившись стать женой пастуха, все же не обещает ему своей любви. Чтобы добиться этой любви, нужно уничтожить чудовище Ялмогыз. Вот как оно описано в сказке:

Кровь людская его еда,
Не насытится он никогда,
Смерть несет его каждый взгляд,
Изо рта его брызжет яд,
И от взмаха тяжелых рук
Цепенеет вся жизнь вокруг.

Обиталище Ялмогыза трудно достижимо. Но Буньяд преодолевает препятствия. Тут и река с русалками, и пещера карликов. Появляется также змей, который хочет пожрать птенцов, говорящих человеческими голосами... Буньяд поражает змея. Птенцы оказываются детьми птицы Симург. В благодарность за их спасение она согласна оказать Буньяду любую услугу. Буньяд просит птицу доставить его к месту, где живет Ялмогыз. На эту просьбу птица ему отвечает так:

Ты обманут, мой бедный друг!
. . . .
Бессердечная Паризад
. . . .
С Ялмогызом давно дружна,
Посылает к нему гостей, —
Тех, кто больше не нужен ей, —
Посылает на смерть к нему —
К другу страшному своему!

Буньяд потрясен предательством невесты, но не отступается от задуманного. Все же он уничтожит чудовище! Если прежде он хотел совершить этот подвиг во имя личного счастья, то теперь он совершит его во имя счастья народа. Не должно существовать чудовище, которое приносит столько бед людям! Герой садится на спину птицы Симург и летит к обиталищу Ялмогыза. В страшном единоборстве Ялмогыз сражен... Вернувшегося домой Буньяда народ встречает ликованием и, видя это ликование, Буньяд забывает о своей любви к принцессе. Он счастлив. Заканчивается сказка тем, что в синеве неба над ликующим народом появляется птица Симург.

Так поэт Советского Узбекистана полемизирует с древними поэтами своей родины. Если те говорили, что счастье на земле невозможно, он отвечает им, что счастье отдельного человека зависит от счастья всего народа.

Автор сказки «Симург» является также автором поэмы «Зейнаб и Аман». Почему мы вспоминаем об этом? Потому, что и в названной поэме, как и в сказке «Симург», Хамид Алимджан касается темы, которую разрабатывали древние поэты. «Зейнаб и Аман» — поэма о двух влюбленных, которые борются с внешними препятствиями, стоящими на пути к их счастью. На этот сюжет, как известно, написан целый ряд поэм на Востоке. Но в то время как в этих древних поэмах влюбленным так и не удается соединить свою судьбу, в поэме Хамида Алимджана они обретают счастье. Действие этой поэмы развертывается в Советском Узбекистане, где нет ни вражды племен, ни разницы положений на социальной лестнице, то-есть тех причин, которые приводили к гибели влюбленных эпохи Навои. Опять-таки советский поэт как бы вступает в полемику с поэтами прошлого. Влюбленные были обречены на вечную разлуку не потому, что любовь трагична, а потому, что мир, в котором она цвела, был феодальным миром.

Наличие в списке произведений Хамида Алимджана двух крупных вещей, направленных против положений древней мудрости, нельзя рассматривать, как случайное явление. Очевидно, подобная полемика была задумана поэтом, и если бы он не ушел от нас в расцвете сил, то узбекская литература обогатилась бы еще и другими его поэмами, в которых так называемые вечные темы были бы представлены в свете передового, советского понимания мира.

В сказке «Симург» много достоинств. Даже в переводе, хоть и не плохом, но безусловно отстающем от качеств подлинника, чувствуется, как стройны маленькие песни, на которые разделена сказка. Есть целый ряд ярких поэтических образов. Например, вот что происходило с женихами Паризад, от которых она отказывалась:

Об ограду ее дворца
Разбивались не раз сердца,
И сгорали они до тла.
Оставалась от них зола...

Немало в сказке и недостатков. Она растянута, чудеса в ней слишком нагромождены.

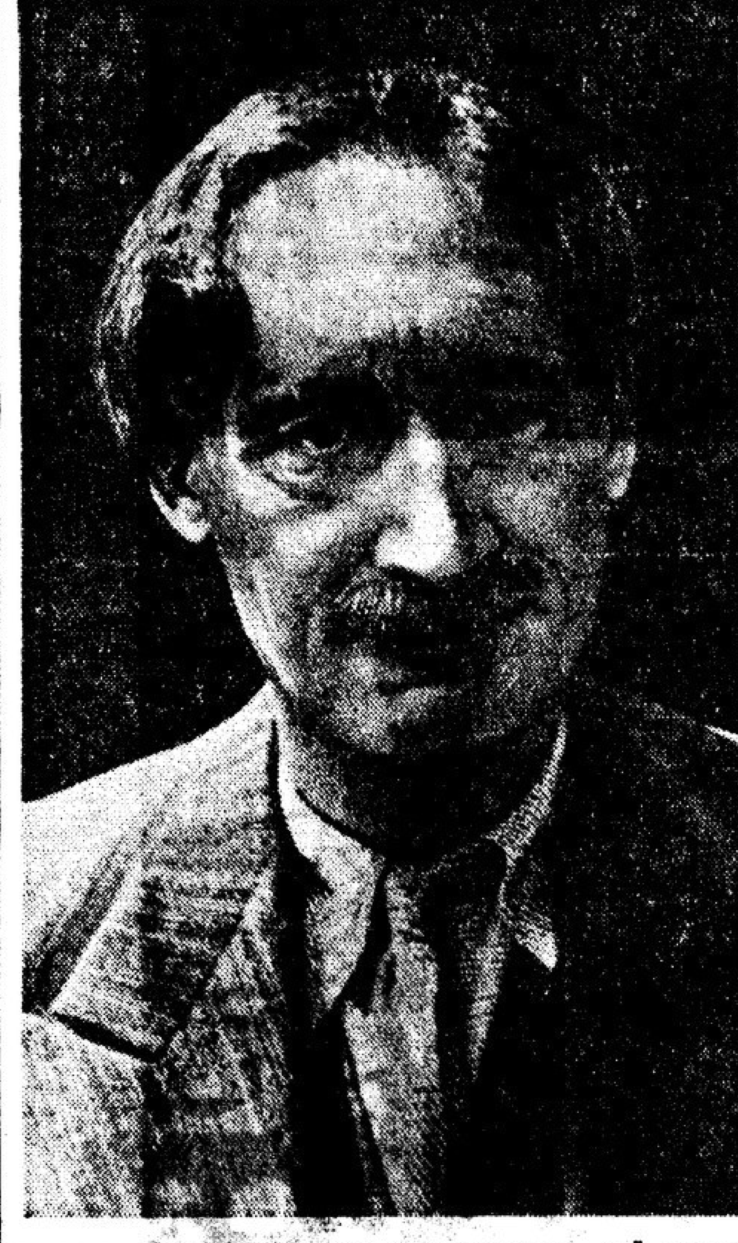
Но дело не в частных достоинствах или недостатках. Книга Хамида Алимджана замечательна именно тем, что она написана автором, твердо знавшим цель, которой должны служить мечи его поэтического арсенала. Битва за новое представление о жизни — вот эта цель.

Хамид Алимджан. «Симург». Сказка. Перевод с узбекского Светланы Сомовой. Редакция А. Дейча. Детгиз. 1948. Москва — Ленинград. 72 стр.

К 75-летию со дня рождения Анри Барбюса

СОЛДАТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Многие из советских литераторов живо помнят этого худощавого человека, с благородной наружностью ламанчского рыцаря. Хоть по разу в жизни мы встречались с ним, жали его руку, и нам памятен, конечно, тот пристальный, несколько задержанный взгляд, которым он встречал нового своего знакомца. Человек этот родился в огне и, кажется, на каждом искал ожогов от большой и страшной войны, потому что по этим признакам он узнавал своих друзей, комбатантов, возможных участников того знаменитого взвода, опыт которого он бросил в лицо старого, подлого мира. Это был большой человек, он имел право назвать свою книгу «Слова борца», потому что великое обещание верности заключено в самом названии. Он любил нашу страну, понимал наш народ и в годы блокады и интервенции был нашим бойцом на дальнем рубеже — в широком и почетном значении этого слова. Этот писатель создал умную, вдохновенную книгу о нашем вожде, никогда не изменил правде и до конца дней сохранил свою прекрасную воспламененность коммуниста. Его творческая работа может служить отличным образцом для каждого молодого литератора, который захочет с пользой для человечества употребить свой песенный дар.

Многим в России до первой мировой войны было вовсе неизвестно имя Барбюса. Его первые книги, наверно, сохранятся лишь как младшие сестры той, которая заслуженно выдвинула автора в первую шеренгу мировой литературы. Мы узнаем Барбюса сразу в солдатской шинели, в самом пекле боя несправедливой войны, от ужасов которой можно исцелиться только или смертью, или безумием, или прозрением. Ему сорок один год, и в том контрастном сопоставлении подробностей и эпизодов, которыми он насытил прославленный «Дневник одного взвода», явственно сквозит непримиримая гневность, с которой он воспринял эту трагедию человечества. По существу, это было второе рождение Барбюса, а мы хорошо знаем, как трудно дается писателю постановка его общественно-политического голоса. На примере Барбюса хорошо проследить, как из действительности и пронзенной писательской совести, подвергнутых действию огня, рождается в литературном тигле революционный гуманизм высокого стиля.

И опять судьба Барбюса глубоко поучительна для нас, писателей. Мы также владеем всем необходимым — от бумаги и чернильницы до необ'ятного материала, предоставленного в наше распоряжение. Правда, его стало слишком много, и требуется, порой, незаурядный ум, чтобы правильно прологарифмировать нескончаемые вереницы людских усилий, страданий и свершений. Слишком много событий, одно значительней другого, произошло на нашей памяти, а мы еще не совсем стали люди, и, надо думать, история подкинет еще кое-что в наши записные книжки. Для изображения мало одного только таланта, или ортодоксальной честности в перечислении происшествий последнего полувека, или той старой манеры, в которой у нас раньше вели героя — от рождения его в милейшей деревушке с надлежащим пейзажем через гражданскую и мировую войны к последующим событиям по хронологической канве большой истории. Мне кажется, что никаким, самым полным каталогом промахов и удач, ликований и несчастий нельзя удивить, вернее, удовлетворить нашего современника с новым содержанием его духа, нашего читателя, лично прошедшего через бурю сталинградской битвы и парад Победы на Красной площади. Кроме добросовестного описательства, от нас требуется осмысление эпохи.

Барбюс создал такой емкий и пламенный логарифм события, каким был «Огонь» для первой мировой войны. Эта правдивая и искренняя книга была высоко оценена и Анатолем Франсом, и Максимом Горьким, и, наконец, самим Лениным. И действительно, ее название звучит, как команда атаки на старый мир. Это был выстрел в лицемерие, в шовинизм и зверство капитализма. И если наш читатель всегда любил гулять по чудесным садам французской классической литературы, то его в особенности привлекало в ней именно то, что время от времени среди ее романтических рощ наталкиваешься на гневный, сложенный прямо на земле человеческий огонь, самое большое достояние и открытие людского племени. «Огонь» Барбюса неугасим, он жжет до сегодня. Такие книги живут долго... И здесь нельзя не вспомнить некоторых обстоятельств на похоронах Барбюса.

Его хоронили в теплый, солнечный сентябрьский день. Процессия растянулась на пять километров, триста тысяч французов провожали на Пер Лашез своего Барбюса. Впереди двигалась роща знамен, такая красочная на фоне тихой парижской осени, а сзади, тотчас за гробом своего вожака и командира, шли ветераны с обезображенными лицами, с вытекшими глазами, люди — улики бессмысленной капиталистической бойни, символические бойцы его знаменитого взвода. Они шли с поднятыми, сжатыми досиня кулаками — приветствие народного фронта... В этот день мир удостоверился, что не одно, а два сердца у Франции, и только потому оно будет жить вечно. И когда дряхлое, склеротическое сердце старой Франции отказало в работе на первом же этапе второй мировой войны, ее молодое сердце билось в подполье, способное вести страну к ее блистательному будущему, если бы — если бы не ее заокеанские лекари.

Парижская полиция, которая борьбу с огнем всегда рассматривала, как свое основное призвание, запретила нести в процессии плакаты с призывами к борьбе, — народ начертил на транспарантах цитаты из самого Барбюса. И оттого, что грудь Барбюса при его жизни не была украшена орденами и лауреатскими медалями, французские девушки несли на алых подушках самые его книги. Там был «Огонь», «Слова борца», «Что я видел в Грузии» и, наконец, его вдохновенный труд с таким кратким и емким названием — «Сталин»...

Хороший пример хорошей жизни!

«Пусть его жизнь, — писал товарищ Сталин о Барбюсе, — его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства».

Вечная слава солдату прозревающего и борющегося человечества — Анри Барбюсу!

Леонид ЛЕОНОВ

ГОРДОСТЬ ФРАНЦИИ

На фронте первой империалистической войны, в Пикардии, Барбюс был отравлен газами. Весь остаток жизни он мучительно болел. Бывали критические периоды, когда, казалось, он больше уже не поднимется. Однако, его поддерживало неугасимое пламя. Как только он выходил на трибуну, к массам, огонь его страстной души передавался всему собранию. Его слушали, затаив дыхание.

Необычайная и непостижимая сила почти два десятилетия попирала смерть, сидевшую в разрушенных легких этого человека. По словам самого Барбюса, он черпал эту силу в том «откровении великой правды», которое осенило его на фронте.

Написанная в 1916 году, его бессмертная книга «Огонь», разоблачавшая истинный характер империалистической войны, будила широкие массы, призывала их вступить на путь революционной борьбы. Уже самая постановка вопроса о характере войны была революционным шагом.

В послевоенной французской литературе того времени тема войны главенствовала. Многие с большей или меньшей правдивостью описали солдатские муки. Но перечитайте сегодня хотя бы Дюамеля или Доржелеса,—я уже не говорю о десятках других, — и вам станет ясно, что в этих либерально-пацифистских романах рядом с эффектными красками, какие эти писатели нашли для изображения внешней стороны войны, уживается безнадежная скудость мысли, духовная трусость. В них нет и попытки осмыслить пережитое и сделать из него последовательные выводы. Это удалось только Барбюсу.

Впротивовес декадентам, Барбюс сделал своим главным, подлинно эпическим героем народ.

Верный сын народа, Барбюс решает проблему писательского долга, разоблачая литературных лакеев буржуазии и глашатаев чудовищного надувательства. Барбюс говорил: «Мы, писатели, художники, то есть люди, сочетающие мечту и труд, мы хотим, чтобы наши работы создавались в согласии с работой всеобщего освобождения. Мы желаем участвовать во всемирной схватке правды с несправедливостью».

С первых лет существования страны социализма Барбюс становится «великим голосом», говорившим миру о «благородных и высоких принципах, которые хозяева нынешней России сумели воплотить в жизнь». Разоблачая империалистический заговор против советского государства, как «преступление против человечества», Барбюс писал в «Юманите» в 1919 году: «Спасайте человеческую истину, защищая правду русскую. Будьте уверены, что грядущие поколения вынесут свой приговор честным людям нашего поколения в зависимости от того, на чью сторону они встанут в настоящий момент».

Барбюс с проникновенным вниманием изучал во время своих частых посещений СССР достижения советского народа, в частности его культуру. Он был неутомимым пропагандистом советской литературы, живописи, кино. Творческая деятельность самого Барбюса, особенно его высказывания по вопросам эстетики, свидетельствуют о прямом и плодотворном влиянии советской культуры.

Революционный пафос Барбюса ярко воплотился в тех его произведениях, где он писал о Советском Союзе, о социалистическом строительстве, свидетелем которого он был. И вершиной развития Барбюса, важнейшей вехой его творчества стала замечательная книга о гениальном вожде всего передового человечества — товарище Сталине.

Барбюс сыграл видную роль в создании и укреплении антифашистского фронта. Писатель-гражданин, он стремился привлечь всех передовых деятелей культуры на сторону рабочего класса. Вся общественно-политическая деятельность Барбюса в период от создания группы «Клартэ» до парижского конгресса писателей в защиту культуры была направлена к тому, чтобы об'единить литературные силы мира под знаменем прогресса и подлинной демократии.

Рядом с Барбюсом, одним из основоположников антифашистского направления в мировой литературе, стояли Ромэн Роллан, Вайян-Кутюрье, Луи Арагон, Жан-Ришар Блок. К движению примкнули и другие французские писатели. Но среди них было немало таких, которые приходили и уходили, в зависимости от колебаний личных и политических кон'юнктур, а то и от циничных соображений карьеризма и политиканства.

В еженедельнике «Леттр Франсез» Эльза Триоле недавно вспомнила о международном конгрессе писателей-антифашистов, состоявшемся в Париже в 1935 году. Одним из его основных инициаторов и наиболее активных организаторов был Барбюс. Примкнул тогда к конгрессу и Андре Мальро. Однако, Мальро протестовал против того, чтобы Барбюсу было предоставлено слово на конгрессе. Мальро, в те годы драпировавшийся в тогу радикального деятеля, имел наглость заявить, что литература Барбюса не стоит на «достаточной художественной высоте» и что Барбюс «недостоин» выступать от имени французской литературной общественности. Мальро нашел поддержку у некоторых членов организационного комитета. Только когда они поняли, что за Барбюсом идет подавляющее большинство конгресса, они уступили. Скрепя сердце, они вынуждены были согласиться с тем, чтобы на конгрессе прозвучал голос первого писателя, который принес во французскую литературу самую важную правду нашего века, писателя, который спасал честь французской литературы.

Еще более характерен другой эпизод, приведенный Эльзой Триоле. Как известно, похороны Анри Барбюса превратились в подлинную демонстрацию любви французского народа к своему писателю и другу. «Мальро, — пишет Триоле, — так же не хотел принимать участия в похоронах Барбюса, как ранее он не хотел допустить участия Барбюса в конгрессе. Но он все-таки появился на похоронах в определенный момент, — как приходят на светский прием. Траурный кортеж проходил между выстроившихся шпалерами парижан, неподвижных и молчаливых. И казалось, что каждый присутствующий здесь — близкий Барбюсу человек. Они стояли непроницаемой стеной и не расступились, когда Мальро попытался пройти через ряды, чтобы присоединиться к толпе. Это было уже недалеко от кладбища. Он несколько раз повторял: «Я Андре Мальро», но никто, видимо, не знал его. Люди смотрели на него неприязненно и только теснее смыкали ряды». Красноречивая сцена! Простые люди Парижа, пришедшие отдать последний долг Барбюсу, разглядели в Мальро врага.

Не стоило бы даже упоминать здесь грязное имя Мальро, если бы за этим всегда лицемерившим и лгавшим наймитом реакции и сейчас не стояли те, против кого всю свою жизнь боролся Барбюс.

Прочитайте, что пишет он о «размахивающих шпагами вояках, спекулянтах, дельцах», о «чудовищных хищниках, финансистах, крупных и мелких аферистах, живущих войной», которые еще будут пытаться держать народ в своей власти. Однако, он твердо верил, что «мертвецы и призраки не смогут подчинить себе живое будущее».

Народ заклеймит жалкие имена тех, кто в трудную минуту его предал. И всегда он будет с глубоким чувством любви и благодарности вспоминать Анри Барбюса, своего замечательного писателя и друга.

Виктор ФИНК.

М. ГРИГОРЬЯН, Л. КОГАН

В угоду схеме

Второй номер нового теоретического журнала «Вопросы философии» содержит разнообразный и интересный материал.

Внимание, проявленное редакцией к разработке богатейшего философского наследия В. И. Ленина, — факт естественный и отрадный. Но, к сожалению, опубликованные в номере втором статьи Б. Кедрова «О ленинских тетрадях по философии» и В. Брушлинского «Работа Ленина над философскими вопросами в 1914—15 гг.» не могут удовлетворить читателя. Если сообщение В. Брушлинского представляет собой правильную, в основном, хотя и лапидарно-описательную справку, то статья Б. Кедрова, претендующая на новый подход к освещению ленинских «Философских тетрадей», схематична и не рассматривает ни одного из ленинских положений по существу.

Известно, что «Философские тетради» — не готовое, законченное для печати произведение, а сборник подготовительных материалов — конспектов, фрагментов, заметок, которые Ленин, видимо, готовил для специальной работы по марксистской диалектике. Обстоятельства помешали ему выполнить эту задачу. То, чего не успел сделать В. И. Ленин, сделал его великий продолжатель товарищ Сталин, создав классический труд «О диалектическом и историческом материализме». Своеобразие «Философских тетрадей», как незавершенного труда, обусловливает и особые трудности их изучения. Было бы, разумеется, неправильно вырывать отдельные замечания В. И. Ленина из контекста (например, о «кругах» в истории философии), трактуя их как особые философские учения. Такие попытки в нашей философской литературе были, и Б. Кедров справедливо предостерегает от их повторения.

Как же подходит сам Б. Кедров к истолкованию «Философских тетрадей»? Боевая партийная сущность ленинских высказываний не нашла должного отражения в его статье. Он не рассматривает их как важное звено в общей цепи наступления большевизма на буржуазную политику и идеологию. Ограничившись декларативным заявлением насчет обусловленности «Философских тетрадей» исторической обстановкой, автор статьи умалчивает о тех конкретных врагах марксизма-ленинизма, которые особенно ревностно стремились в годы первой мировой войны (в период составления «Философских тетрадей») выхолостить из диалектики ее живую душу и которым «Философские тетради» В. И. Ленина попадают не в бровь, а в глаз.

Банкротство II Интернационала в годы первой мировой войны сопровождалось усилением ревизии марксизма по всем линиям, в том числе яростными атаками оппортунистов против диалектики и материализма. Свою подлую проповедь отказа от революционной борьбы, проповедь классового мира рабочих с буржуазией всех стран социал-шовинисты стремились обосновать, извращая марксистскую диалектику, подменяя ее софистикой и эклектикой, вульгарным эволюционизмом. Необходимо было разоблачить фальсификаторов марксизма, отстоять марксистский диалектический метод от посягательств врагов рабочего класса — Каутских, Бауэров, Реннеров и др. Эту задачу блестяще выполнили В. И. Ленин, И. В. Сталин, партия большевиков. В этой связи следует рассматривать и «Философские тетради».

Именно теперь необходимо подчеркнуть каким разящим оружием в борьбе с буржуазной идеологией, с оппортунистами всех мастей являются блестящие ленинские мысли о диалектике, сосредоточенные в «Философских тетрадях».

Разумеется, значение рассматриваемой работы этим не исчерпывается. Однако оставлять в тени эту сторону дела, значит, нарушать принцип партийности философии. Тов. Кедров не показывает боевой политической целеустремленности ленинских записей, от начала до конца проникнутых духом непримиримой пролетарской классовой борьбы, духом решительного наступления на буржуазную политику и идеологию. Он предпринимает попытку систематизировать ленинские материалы, облегчить читателю усвоение ленинских высказываний. К сожалению, это благое намерение не получает должной реализации вследствие суб'ективистского истолкования автором ленинских мыслей. Тов. Кедров стремится втиснуть их в прокрустово ложе своей надуманной схемы. Он делит весь материал «Философских тетрадей» на 9 групп, «неравноценных» по своему значению: 1) цитаты, 2) извлечения из цитат, 3) пометки-оценки, 4) пометки-вопросы, 5) заметки-толкования, 6) заметки-афоризмы, 7) отрывки-обобщения, 8) заметки-планы, 9) фрагменты обобщающего характера.

Эти группы должны, по мнению Б. Кедрова, соответствовать следующим ступеням развития ленинской мысли: а) собирание и первая разборка материала, б) подготовка материалов к переработке, в) начало переработки собираемого материала, г) переход к изложению собственных взглядов и положений, д) набросок первого контура проделанной работы в целом.

Так выглядит эта произвольно выработанная схема.

Чем отличаются «пометки-оценки» от «заметок-толкований»? Где кончается «подготовка собираемого материала к переработке» и возникает «начало переработки собираемого материала»? Где та неуловимая грань, которая отделяет «переход к изложению собственных взглядов» от «наброска первого контура проделанной работы»? Вряд ли сам тов. Кедров сможет на это ответить. В угоду своей предвзятой конструкции он разделяет ленинские мысли на те, которые связаны с определенными чувствами, и те, которые, якобы, не связаны непосредственно с ними. К первой категории он относит такие, например, высказывания Ленина о Гегеле: «Гегель прикрывает слабости идеализма», «Бога жалко!! сволочь идеалистическая!!», «Вздор! ложь! клевета!» и др. Поскольку эти высказывания явно проникнуты определенными чувствами, а именно чувством гнева и презрения, Б. Кедров полагает, что они не могут быть основой для характеристики отношения Ленина к Гегелю. «Все это, — пишет он, — повидимому, не предназначалось для печати и выражало собой непосредственную реакцию Ленина при чтении гегелевского текста» (стр. 67). На каком основании делается этот вывод? Как будто в своем классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм» и в других опубликованных произведениях В. И. Ленин не прибегал к столь же гневным выражениям по отношению к врагам рабочего класса! Боевой, революционный дух ленинской критики тов Кедров пытается подменить бесстрастно академической, холодной «интерпретацией»

Трудно понять, как тов Кедров умудрился увидеть в справедливых и точных, полных гнева и ненависти к врагам ленинских ударах по идеализму лишь непосредственную реакцию, а не выражение большевистской партийности в науке.

Вместо действительной помощи тем, кто желает изучать «Философские тетради», вместо научного комментирования, раз'яснения и творческой разработки поставленных в них проблем, автор панибратски «оценивает» и «переоценивает» ленинские тезисы.

Так живая, гибкая ленинская мысль, в угоду схеме, разрывается на части и раскладывается по полочкам.

Встреча писателей с философами

Обсуждение второго номера журнала «Вопросы философии» в Союзе советских писателей СССР

В Центральном доме литераторов состоялась встреча писателей с сотрудниками и авторами журнала «Вопросы философии». Встреча была посвящена обсуждению второго номера журнала. В центре внимания стояли статьи Ц. Степаняна «О некоторых закономерностях перехода от социализма к коммунизму» и З. Каменского «К вопросу о традиции в русской материалистической философии XVIII—XIX вв.».

Обсуждение именно этих статей и проявленный к ним интерес об'ясняются как смежностью их тем, так и актуальностью затронутых в них вопросов.

Разбирая статью Ц. Степаняна, выступавшие отмечали, что в ней дается материал, представляющий ценность для литераторов, и ставится ряд серьезных проблем.

А. Тарасенков отметил, что ценным зерном в статье тов. Степаняна является стремление определить те реальные противоречия, которые на современном этапе развития нашего общества способствуют его движению вперед.

Выступавшие отметили в статье и ряд недостатков. Причина их заключается, главным образом, в общем характере темы, размеры которой настолько велики, что, даже «скользя по проблемам», автор все-таки не смог привести полного перечня их. Гораздо правильнее было бы остановиться на двух или трех проблемах, но зато глубоко разобрать их.

Ю. Либединский указывал на то, что в статье недостаточно освещен вопрос о роли социалистического государства в историческом процессе перехода от социализма к коммунизму. Хотелось бы, чтобы вопрос о государстве нового типа получил более серьезное и основательное освещение.

Н. Лесючевский справедливо отметил, что автором не раскрыта руководящая роль в этом процессе нашей партии.

В статье не говорится о том, что партия является научным и политическим штабом нашего общества, его организующей силой.

А. Эрлих считает, что, в результате стремления автора «об'ять необ'ятное», в статье оказалось мало актуального материала, она построена, главным образом, на абстрактных обобщениях. Несмотря на большую поэтичность и жизненность взятой темы, в статье не чувствуется ни поэзии, ни жизни. А между тем, коммунизм— не отдаленное и туманное будущее, не беспочвенные декларации и не мечты одиночек вроде Роберта Оуэна. Это — прекрасная жизнь сегодня и еще более светлое завтра, завоеванное миллионами наших людей.

Говоря о статье З. Каменского, выступавшие отмечали, что философы и литераторы читали ее с интересом, так как она подняла один из животрепещущих вопросов, связанных с развитием общественно-политической и научной мысли в России.

В. Гоффеншефер и И. Астахов считают главным недостатком статьи то, что в ней философские воззрения русских материалистов рассматриваются в статическом, неподвижном состоянии. Русская философия в представлении Каменского оторвана от конкретной исторической обстановки и дается им в ее чистом, абстрагированном виде. В высказываниях т. Каменского нет никаких указаний на то, что в действительности характеризует традиции русской материалистической философии. Определение, данное т. Каменским, приложимо к любой философии. Слабая сторона его рассуждений состоит в том, что он отрывает развитие русской материалистической философии от художественной литературы и эстетики. Между тем, в силу особых условий исторического развития России, именно литература представляла собою почти единственную арену идейно-политической борьбы. З. Каменский недооценивает роль революционной демократической мысли в развитии марксизма в России.

Все выступавшие говорили, что общим недостатком статей является их крайне сложная форма, недоступная для читателей, не имеющих ученой степени. И. Зввич сказал, что, например, в статье т. Степаняна самое ясное — приводимые им цитаты из классиков.

Главный редактор журнала «Вопросы философии» Б. Кедров в своем выступлении заявил, что обсуждение было чрезвычайно полезным и, несомненно, плодотворно отразится на дальнейшей работе журнала. Статья т. Каменского дискуссионна, и поэтому редакция журнала считает преждевременным высказывать о ней мнение. Большим достоинством статьи т. Степаняна Б. Кедров считает то, что в ней поднимается ряд новых вопросов, способствующих развертыванию дискуссии. Редакция и в дальнейшем собирается давать в журнале материал, вызывающий оживленный обмен мнениями и помогающий двигать вперед науку.

В заключение т. Кедров обратился к писателям с просьбой активно участвовать в работе журнала «Вопросы философии».

Обзор писем читателей

„Об одном философском кентавре"

Опубликованные недавно в порядке обсуждения статьи проф. М. Маркова («О природе физического знания», № 2 журнала «Вопросы философии») и проф. А. Максимова («Об одном философском кентавре», № 29 «Литературной газеты») вызвали живой интерес у наших читателей. Редакция «Литературной газеты» получила много писем по поводу этих статей — не только от физиков и философов, но и от самых различных представителей интеллигенции. Не имея возможности поместить все эти письма, редакция считает целесообразным дать краткий обзор некоторых из них, так как находит, что поднятый в этих письмах большой философский вопрос является весьма важным и заслуживает дальнейшего глубокого изучения.

В большинстве писем подвергаются критике взгляды как М. Маркова, так и А. Максимова.

Так например, кандидат философских наук В. Тугаринов (г. Калинин) считает, что обе статьи—и М. Маркова, и А. Максимова, — ставя некоторые вопросы, связанные с теорией познания, неправильно их разрешают. По мнению В. Тугаринова, основной дефект статьи Максимова заключается в том, что, критикуя Маркова, он построил свою статью так, что в ней смазывается острота философских проблем, возникающих в современной теории познания. Тов. Тугаринов подчеркивает, что старый вопрос о познаваемости мира получил особую остроту в свете развития новейшей физики. Марков бьется в попытках найти правильное его разрешение, но в ряде формулировок срывается с позиций материализма.

Точно так же проф. И. Файнерман возражает против выдвинутого проф. Марковым положения о том, что физическая реальность—это определенная форма, проявляемая только в макроприборе. Он считает, что едва ли следует доказывать ошибочность этого положения, так как из него вытекает ложное утверждение, что физическая реальность не является об'ективной. Проф. И. Файнерман не согласен и с проф. Максимовым, считая, что процесс взаимодействия тела человека с внешним миром покоится вовсе не на микропроцессах.

Авторы некоторых писем (А. Дроздик, Д. Мельник, К. Вайнберг) возражают против положений, выдвигаемых проф. Марковым.

Инженер Дроздик (Москва) считает, что Марков фетишизирует роль прибора в квантовой механике, забывая о роли мышления, человеческой практики и техники в познании природы. Тов. Дроздик подробно останавливается на том, как отражается классовая борьба в современной науке, и считает, что об'ективно М. Марков солидаризируется с инструментализмом прагматиста Дьюи.

Инженер Д. Мельник (г. Чкалов) считает неправильным отстаиваемое М. Марковым и многими современными физиками разделение единой природы на макро- и микромир. Основная методологическая ошибка М. Маркова, по мнению Мельника, состоит в том, что он для оценки закономерностей, на основе которых стремится проследить характер поведения макро- и микромиров, берет чисто внешние механические факторы и не вникает в диалектику внутренних процессов.

По мнению учителя Кандавской средней школы К. Вайнберга (Латвийская ССР), взаимоотношения между микромиром и его отображением в нашем познании так и остаются в статье т. Маркова невыясненными. Автор письма считает, что об'ективность существования микромира не должна связываться с характером его восприятия.

Редакцией получено также письмо студента философского факультета Киевского государственного университета Г. Лобовика, сообщающего, что студенты философского факультета с большим интересом прочли статью проф. А. Максимова и принимают ее как конкретное руководство в решении вопроса о познаваемости микромира.

Наряду с этим некоторые товарищи подвергают критике статью А. Максимова. Проф. Е. Фейнберг (Москва) считает, что А. Максимов неправильно понимает вопросы современной квантовой механики. К сожалению, письмо проф. Фейнберга не содержит позитивных положений, в нем не выражена точка зрения самого автора и отсутствует даже обстоятельный разбор критикуемой им статьи А. Максимова.

Группа студентов физико-технического факультета МГУ (Б. Чириков, В. Шпирт, И. Радкевич и др.) пишет:

«Проф. А. Максимов находит, что М. Марков утверждает наличие непроходимой грани между макроскопической природой человека и микромиром. Но М Марков вовсе не утверждает этого! Он пишет — «...возможность макроскопического наблюдения микромира определяется тем, что микро- и макромир не разделены непроходимой пропастью, что **между микро- и макромиром устанавливается связь, взаимодействие**» («Вопросы философии» № 2, стр. 161)». Обращаясь к проф. А. Максимову, студенты пишут — «... создается впечатление, что Вы неправильно поняли М. А. Маркова и разбили мнимого противника. Нам кажется, что прежде чем давать философскую оценку тем или иным взглядам, нужно самым тщательным образом обсудить их... Мы надеемся, что статья М. А. Маркова еще вызовет такое обсуждение, и чем скорее, тем лучше, если учесть важность вопросов, которые она поднимает».

Мысль эта проводится в письмах многих читателей, призывающих физиков и философов принять живейшее участие в разработке столь принципиальных вопросов современной физики и философии.

Несомненно, статьи М. Маркова и А. Максимова являются лишь началом обсуждения. Такая дискуссия широко развернется, очевидно, на страницах журнала «Вопросы философии».

Лекции в колхозах Бурят-Монголии

УЛАН-УДЭ. (Наш корр.). Во многих аймаках Бурят-Монголии созданы лекторские группы из представителей сельской интеллигенции: учителей, врачей, агрономов, зоотехников, партийно-советских работников. К чтению лекций привлечены 600 человек. Среди лекторов — писатели: депутат Верховного Совета СССР Хоца Намсараев, депутат Верховного Совета БМАССР Цыденжап Галсанов, Ж. Тумунов, Намжил Балдано и др.

Лекции читаются на самые разнообразные темы: о международном положении, о возникновении жизни на земле, новости науки и техники, новинки советской литературы и т. д. За полугодие лекторами прочтено свыше 5.500 лекций. Их посетило более миллиона трудящихся республики.

Г. ПЕТРОВ

Генри Уоллес

1.

Предвыборная кампания в Соединенных Штатах ширится изо дня в день. Возрастает активность всех политических партий и группировок, произносятся тысячи предвыборных речей, запускается в ход сложный избирательный механизм, который должен в конечном итоге привести в Белый дом нового президента.

Как всегда в такие периоды, американские политические клубы охвачены предвыборной горячкой, создаются сотни и тысячи различных «комитетов содействия» кандидатам в президенты, будет истрачена уйма бумаги и света для рекламы и предвыборной агитации, и, наверное, самолеты, которые сейчас выписывают на нью-йоркском небе название прохладительного напитка «Пепси Кола», будут писать: «Голосуйте за Трумэна!..»

Слушая кандидатов в президенты, нельзя не заметить, что некоторые из них хотя и носят разные фамилии и представляют разные партии, но поют одну и ту же предвыборную песню. Разница состоит лишь в том, кто из них поет громче. В их речах можно услышать истерические предостережения от «красной опасности», призывы к безудержной гонке вооружений, а ненавистное народам слово «война» склоняется на все лады.

Однако в предвыборном хоре слышны и другие голоса, к которым также прислушивается американский избиратель. Это голоса более дальновидных и здравых людей, которые не одурманены пресловутой идеей мирового господства США, не поддались ядовитой пропаганде поджигателей новой войны и для которых дорого дело международного сотрудничества, дело сохранения мира и безопасности народов. К этому разряду современных американских политических деятелей относится кандидат в президенты от третьей партии — Генри Уоллес.

Враждебная Уоллесу пресса уже успела надавать ему множество кличек, в том числе «генерал без армии»...

Но «генерал без армии» только за одну поездку по городам США весной прошлого года собрал аудиторию в четверть миллиона человек! Многотысячные митинги и собрания продолжают слушать его и по сей день. А сейчас, когда Уоллес обратился с известным Открытым письмом к И. В. Сталину, письмом, в котором затронул вопросы, волнующие миллионы простых людей, и получил прямой и ясный ответ вождя советских народов, — имя Уоллеса не сходит со страниц мировой прессы.

Сегодняшняя Америка все с большим и большим вниманием слушает Уоллеса — противника милитаризма, засилия монополий и расовой дискриминации, поборника мира и сотрудничества народов. С его именем связывают свои надежды те американцы, для которых дороги прогрессивные традиции их родины, принципы покойного Рузвельта, преданные сейчас забвению теми, кто бредит атомной бомбой и войной.

В этом причина политического возвышения Уоллеса, его растущей популярности.

2.

Генри Агард Уоллес родился 7 октября 1888 года на ферме Адер Каунти в штате Айова. В том же штате он посещал начальную и среднюю школу, а затем, окончив колледж, получил в 1910 году степень бакалавра наук.

С юношеских лет Уоллес специализировался в области сельского хозяйства, посвятив науке о растениях значительную часть своей жизни. Он известен в Соединенных Штатах как специалист по выведению нового сорта кукурузы, который широко распространен во всем кукурузном поясе США. Уоллес является организатором и руководителем фирмы «Пайонир хай-бред корн компани».

В ранней молодости Уоллес приобщился также к журналистике. Он сотрудничал в журнале «Уоллес Фармер», основанном его дедушкой, пресвитерианским священником, а затем, в 1924 году, после смерти отца, стал редактором этого журнала.

Журнал не имел сколько-нибудь значительного влияния, и Уоллес вел сравнительно мирную политическую жизнь, продолжая заниматься кукурузой, которая, как метко заметил один фермер, не имела никакого отношения ни к демократам, ни к республиканцам.

Однако в тридцатых годах Уоллес познакомился с Франклином Делано Рузвельтом, бывшим тогда губернатором штата Нью-Йорк, и в 1932 году активно поддержал его кандидатуру на пост президента США. Уоллес стал последовательным сторонником «нового курса» Рузвельта, верным соратником президента как в дни мира, так и в дни войны против немецко-фашистской и японской агрессии.

Вскоре после первого избрания Рузвельта президентом Уоллес был назначен министром земледелия, повторив карьеру своего отца, занимавшего тот же пост в правительстве Гардинга.

В свое время американец Стэнли Хай писал: «Многие считают, что Генри Уоллес является наследником Рузвельта, так как, по их мнению, ни одно другое министерство не проникнуто так глубоко идеями «нового курса» или не пыталось с такой преданностью провести их в жизнь, как министерство Уоллеса».

В 1940 году Рузвельт был переизбран президентом, а Генри Уоллес при его поддержке занял пост вице-президента Соединенных Штатов Америки.

По своей натуре Уоллес не мог быть стандартным типом вице-президента молчальника. Наряду с исполнением формальных функций он берет на себя другие обязанности, главной из которых было руководство Советом экономической войны, сыгравшим определенную роль в поражении гитлеровской Германии. Вместе с тем Уоллес выступает в роли посланца Рузвельта, раз'езжающего с миссиями доброй воли по всем частям света.

Советской общественности памятна поездка Уоллеса в советскую Сибирь и среднеазиатские республики СССР летом 1944 года.

Без всякого предубеждения, глазами об'ективного американца Уоллес наблюдал советскую действительность в далекой бухте Анадырь и в городе юности—Комсомольске. Он увидел цветущие хлопковые поля Узбекистана и вдохновенный труд стахановцев на фабриках и заводах. Он говорил с простыми советскими людьми, которые не могли не вызвать восхищения преданностью своей Родине и правительству, своей самоотверженностью в борьбе с врагом.

Уоллес воочию увидел и почувствовал силу и прочность советского строя, мощь и величие советской державы. Он стремился понять советский народ, и это ему во многом удалось. Именно поэтому книга Уоллеса «Миссия в Советскую Азию» явилась простым и убедительным рассказом о том, что он видел в России, и нанесла серьезный удар хулителям Советского Союза, в которых и тогда не было недостатка в Америке.

В этой книге, посвященной памяти Рузвельта и вышедшей после окончания войны, Уоллес писал:

«В 1946 году я более чем когда-либо убежден, что мир и процветание будущего зависят от гармоничного сосуществования Соединенных Штатов с Советской Россией, как полноправных членов Международной организации».

В той же книге Уоллес предостерегал мир от подрывной работы поджигателей новой войны:

«Враги мира уже пытаются заложить фундамент третьей мировой войны. Эти люди не должны преуспеть в их безумном предприятии. Мы должны обезвредить их яд, следуя политике Рузвельта в области развития дружбы с Россией в мире так же, как в войне».

Это был голос честного борца за мир, чуждого жадных эгоистических устремлений к господству над другими народами, к хищнической наживе на крови миллионов людей.

Уоллес, последователь Рузвельта, стал глашатаем мирного сотрудничества с великим Советским Союзом. Он утверждал, что такое сотрудничество между США и СССР возможно, несмотря на различие их экономических систем и политического строя.

Как известно, Советский Союз всегда придерживался такого же взгляда. После одной из речей Уоллеса в 1946 году корреспондент «Сандей таймс» Верт спросил товарища Сталина: «Верите ли Вы в возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий, несмотря на существование идеологических разногласий, и в «дружественное соревнование» между двумя системами, о котором говорил в своей речи Уоллес?»

Товарищ Сталин ответил: «Безусловно верю».

3.

В 1944 году, беспрецедентно в истории США, американцы в четвертый раз готовились голосовать за Рузвельта. Так же, как и четыре года назад, Рузвельт предложил кандидатуру Уоллеса на пост вице-президента.

В своем июльском письме к намечавшемуся председателем с'езда демократической партии Джексону Рузвельт писал:

«Я поддерживал тесную связь с Генри Уоллесом в течение последних четырех лет его пребывания на посту вице-президента, в течение восьми лет, когда он был министром земледелия, и еще раньше. Он мне нравится, и я его уважаю, он является моим личным другом. В силу этих причин я лично голосовал бы за выдвижение его вновь на этот пост, если бы я был делегатом с'езда».

Но в тайниках Уолл-стрита уже созревали другие внешнеполитические замыслы. Для их осуществления подбирались другие люди. Тогда всплыл на поверхность политической жизни Бирнс, и, хотя ему не удалось самому дотянуться до кресла вице-президента, он помог продвижению другого человека, который после смерти великого президента автоматически стал хозяином Белого дома.

Еще при Рузвельте Уоллес был назначен в январе 1944 года министром торговли. Но министру слишком трудно и почти невозможно было проводить свою прежнюю линию. А вскоре после кончины Рузвельта началась открытая «чистка» кабинета от его сторонников.

Бирнс заменил Стеттиниуса на посту государственного секретаря. Уволены в отставку Моргентау, Перкинс и др. И лишь Уоллес, «последний из могикан», был оставлен в кабинете Трумэна, чтобы создать видимость преемственности политики, проводившейся Рузвельтом.

Это была действительно только видимость преемственности. На смену «новому курсу» Рузвельта уже был провозглашен пресловутый «жесткий курс» по отношению к Советскому Союзу и странам Восточной Европы. С этим «курсом» в кармане, с Ванденбергом и Коннэли по бокам, вылетел в Париж на мирную конференцию Бирнс.

Именно в сентябре 1946 года, когда Бирнс и Коннэли (Даллес держался тогда еще в тени) произносили в Люксембургском дворце в Париже громовые речи, сопровождая их жестикуляцией, свойственной, вероятно, надсмотрщикам на плантациях в южных штатах, Уоллес выступил на митинге в Нью-Йорке с призывом к миру, к сотрудничеству.

В своей речи Уоллес решительно осудил «твердую политику» по отношению к России и оголтелую пропаганду войны против Советского Союза. Уоллес сказал, что «жесткий курс» никогда не приводил ни к чему хорошему во взаимоотношениях между государствами. «Чем тверже будем мы, тем тверже будут русские». «Мы не должны допустить, чтобы наша политика по отношению к русским направлялась или находилась под влиянием тех, кто внутри или за пределами Соединенных Штатов желает войны с Советским Союзом».

Смелая речь Уоллеса облетела весь мир и оказала большую услугу делу мира. Не случайно американцы говорили, что «Уоллес ближе подходит к точке зрения народа нашей страны, чем лица, осуществляющие нашу внешнюю политику».

На эту речь откликнулись, разумеется, и в Белом доме, и в Люксембургском дворце. Тут не обошлось без курьезов, которые поставили в неловкое положение президента.

Вначале Трумэн заявил на пресс-конференции, что он одобряет выступление Уоллеса целиком. Однако через день президент поправился, сказав, что он одобрил лишь право Уоллеса произносить речи. Журналисты, близкие к Белому дому, добавляли, что президент только мельком просмотрел речь, что его «отвлекали звонки»...

Как вскоре выяснилось, главный и самый резкий звонок раздался из Парижа. Звонила фирма «Ванденберг, Даллес, Бирнс и К°» — авторы «твердого курса».

Бирнс пред'явил ультиматум: или отставка Уоллеса, или он уходит с Парижской конференции.

Уоллес подал в отставку, но не сложил оружие. Он честен и непримирим, чтобы пребывать в бездействии, когда нужно бороться за мир, за демократию.

Уоллес встал во главе прогрессивного журнала «Нью Рипаблик». Он совершил многочисленные поездки по стране, выступая на митингах и собраниях, в радиопередачах и в прессе.

Уоллес разоблачает реакционную внутреннюю политику правящих кругов США, приведшую к принятию закона Тафта — Хартли, к созданию позорной для Америки комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, политику, в результате которой «сейчас миллионы американцев молчат, потому что они не могут позволить себе высказывать свои мысли».

Обличительные речи Уоллеса направлены против «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла», являющихся выражением экспансионистских стремлений монополистических кругов и угрожающих независимости других народов.

4.

В конце прошлого года Уоллес открыто об'явил о намерении выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. С тех пор число его сторонников непрерывно растет. Вокруг Уоллеса об'единяется сейчас все передовое и прогрессивное в Америке, все те, кто борется за мир и демократию. Его поддерживает организация «Прогрессивные граждане Америки», в которую входят рабочие и фермеры, студенты и служащие, люди умственного труда. По всей стране создаются комитеты содействия выборам Уоллеса в президенты, проводятся массовые сборы средств в предвыборный фонд. И если раньше на президентских выборах выступали представители только двух партий — республиканской и демократической, то теперь появилась новая, третья партия, которая, несмотря на молодость, уже внушает тревогу и опасение своим политическим противникам.

Третьей партии США выпала не легкая юность в стране, где свобода, которой когда-то гордились, ныне стала фикцией. Предвыборная кампания уже дала этому многочисленные примеры. Если самому Уоллесу после поездки в Европу грозили допотопным законом Логана *, то его активных сторонников уже нередко сажают за решетку. Именно так и случилось на днях с сенатором Тэйлором, на которого полицейские надели наручники за то, что он «нарушил порядок», войдя в здание через ход, предназначенный только для негров. С профессором колледжа в Эвансвилле Паркером обошлись более либерально — его просто уволили со службы за то, что он председательствовал на предвыборном митинге.

Тем показательнее успехи Уоллеса и его партии. Эти успехи во многом определяются той позицией, которую занимает Уоллес в основных вопросах внешней и внутренней политики, волнующих сейчас умы прогрессивных кругов США. Его откровенные высказывания неизменно подчеркивают тот факт, что урегулирование советско-американских разногласий отвечает интересам американского народа, а также интересам мира и международного сотрудничества.

Наиболее важным документом в этом отношении является Открытое письмо Генри Уоллеса товарищу И. В. Сталину, опубликованное им в связи с обменом заявлениями между правительствами США и СССР. В этом письме Уоллес выдвигает программу международного сотрудничества. Его предложения, правда, не все бесспорные, оставляют впечатление искреннего желания найти пути к установлению прочных и разумных советско-американских отношений.

В печати всего мира опубликован ответ И. В. Сталина на Открытое письмо Уоллеса.

Советское правительство всегда проводило и проводит политику миролюбия и сотрудничества в отношении Соединенных Штатов Америки. Эта ясная и определенная позиция еще раз подтверждена в ответе И. В. Сталина.

«Я не знаю, — пишет он, — одобряет ли правительство США программу г. Уоллеса, как базу для соглашения между СССР и США. Что касается правительства СССР, то оно считает, что программа г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для такого соглашения и для развития международного сотрудничества, ибо правительство СССР считает, что несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и безусловно необходимы в интересах всеобщего мира».

Искренние поборники дела мира и международного сотрудничества, к числу которых относится Генри Уоллес, лишний раз могут убедиться в наличии у Советского Союза доброй воли и желания проводить последовательную, миролюбивую и дружественную политику в интересах всеобщего мира.

* Закон Логана имеет полуторастолетнюю давность и запрещает американцам всякую деятельность за границей, которая могла бы «вредить мероприятиям правительства».

Мы хорошо знаем, за какие «преступления» приговаривают в Греции к смерти, за что казнят. Казненные — это те честные люди, которые в дни оккупации не изменили своему народу, не стали предателями, а вели активную борьбу против немецких фашистов. Теперь этим честным греческим патриотам мстят коллеги Гиммлера в форме греческой жандармерии.

Цалдарисовские убийцы вслед за Гиммлером воскрешают средневековье топоров и плах, садизм массовых убийств, казней и отрубленных голов, выставленных на показ для устрашения народа. Зрелище этого отвратительного кровавого террора ужасает мир!

Греция-Эллада всегда живет в нашей памяти, как синоним прекрасного детства человечества. Народ обессмертил образы великодушных, простых, честных и правдивых героев. Именно на этих героев похожи греческие демократы, борцы греческого сопротивления — неколебимые и честные. О них мы думаем, как о братьях и друзьях. Казненные, они навсегда останутся в нашей памяти, как мужественные борцы за истинную свободу, за подлинную демократию.

Семен КИРСАНОВ

НА СНИМКАХ: сверху — монархо-фашисты ведут на расстрел греческого патриота, захваченного в плен в районе Коницы; внизу — два греческих патриота опознают головы своих товарищей, зверски растерзанных палачами Софулиса в районе города Янина.

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОРТОВАЯ КНИГА»

Так называется созданная многолетними усилиями академиков, ученых-селекционеров, колхозников-опытников, 150 селекционными станциями и научно-исследовательскими институтами книга, в которой записаны 2.704 сорта пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы, зернобобовых, масличных культур и трав, выращиваемых на землях нашей Родины.

Но если читатель из'явит желание ознакомиться с книгой-сокровищницей, его поиски в самых больших публичных библиотеках окажутся тщетными. Печатного произведения с таким названием не существует. Заголовок этот можно прочитать на массивных дверях единственного в мире учреждения. Оно находится в Москве и именно так называется: «Государственная сортовая книга».

Мы открываем дверь этого учреждения, как бы раскрываем обложку книги, и... попадаем в зал. Ряды стеллажей заполнены до потолка оцинкованными коробками. В шкафах — множество застекленных картонных коробочек с образцами колосьев, папки печатных и рукописных материалов. Все это, если можно так назвать, — страницы «Государственной сортовой книги». Она создана в 1939 году при Государственной комиссии по сортоиспытанию зерновых культур.

Просмотрев любую из 2.704 «страниц», мы прочтем историю одного из сортов пшеницы или ржи, узнаем, кто их вывел, где и на каких площадях они высеваются. Здесь же — вся литература, характеризующая данный сорт, образцы зерна и колосьев, описание мукомольных и хлебопекарных качеств злака.

Одна из последних записей этой единственной своеобразной книги, сделанная в 1948 году, рассказывает о твердой озимой пшенице «кахетинская ветвистая». Больших размеров колос напоминает букет из нескольких соединенных вместе колосьев. В нем 10—12 ветвей, однако встречаются колосья, в которых насчитывается до 30 ветвей.

«Кахетинскую ветвистую» вывел и размножил агроном колхоза им. 26 комиссаров, Телавского района Грузии, тов. С. Махателашвили из одного колоска ветвистой пшеницы, полученного в 1940 г. на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Сейчас эта пшеница широко испытывается на сортоучастках Грузинской ССР.

«Государственная сортовая книга» — это летопись советской селекции.

Университет Кировского завода

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Недавно на Кировский завод пришло новое пополнение — пятьсот юношей и девушек. А через несколько дней после своего приезда многие из них уже присутствовали в большом зале заводского Дворца культуры на очередном занятии рабочего университета.

Университет на Кировском заводе создан в ноябре прошлого года. На первом занятии присутствовало человек 70—80. А уже через месяц популярность его настолько возросла, что лекционный зал на 250 мест не вмещал всех желающих заниматься.

Университет Кировского завода дает молодым рабочим самые разносторонние знания. Принцип построения учебной программы здесь несколько необычен. В одном случае — это тематический вечер, посвященный городу-герою Ленинграду, на котором после лекции лучшие ленинградские артисты выступают с чтением литературных произведений о городе Ленина. В другом случае после лекции о демократии советской и «демократии» буржуазной слушатели университета встретились с Кузьмой Емельяновичем Титовым — начальником цеха, депутатом Верховного Совета СССР. На занятии, посвященном 1 Мая, старейшие путиловцы — Матвеев, Иванов, Блинов, Никифоров — рассказывали молодежи о первых питерских маевках.

Программа включает широкий круг тем: послевоенная сталинская пятилетка, новейшая техника социалистической индустрии, стахановские методы труда, моральный облик советского человека, советская музыка, советский спорт, творчество классиков русской литературы, выдающиеся произведения советских писателей и т. д.

С каждым занятием повышается активность слушателей университета. Недавно драматический коллектив завода показал пьесу К. Симонова «Русский вопрос». Обсуждение спектакля вылилось в горячую дискуссию.

Нищета итальянской интеллигенции

В конце прошлого года Национальный союз писателей Италии провел анкету об условиях жизни интеллигенции. Ответы на вопросы анкеты помимо всего прочего явились яркой иллюстрацией ко всей той американской «помощи», на которую с таким шумом сейчас ссылаются заокеанские «благодетели» Италии.

Один из ответивших на анкету — писатель Моравиа — определил положение своих коллег по перу словами: «Большая нужда». Он же подчеркнул: «Итальянская интеллигенция жестоко страдает от кризиса и инфляции... Писатель находится в очень невыгодном положении. Об'ясняется это тем, что у желающих читать книги нет денег, а у тех, кто имеет деньги, нет потребности в чтении».

Вдобавок книги в Италии стоят очень дорого (примерно 1 лира — страница), и потому их продают с трудом. Тираж в 3.000 экз. для беллетристики — явление исключительное. Что касается книг по искусству, языкознанию, как и вообще научных трудов, то их тиражи совершенно ничтожны.

Мало чем отличаются от положения писателей жизнь и быт представителей научной интеллигенции. Один из профессоров Туринского университета заявил: «Мне около 60 лет, из них 17 лет я работаю на кафедре истории, но сейчас научная работа является для меня невозможной. Я не в состоянии покупать книги и журналы. Я не могу пойти ни в концерт, ни в театр, я не имею возможности даже отапливать свой кабинет в зимние месяцы».

Директор Политехнического института в Турине Лионелло Вентури делит работников просвещения на две категории: «Те, которые как-то изворачиваются, и те, которые не могут или не хотят изворачиваться. Первые почти совсем не занимаются научной работой, ибо предпочитают более прибыльную частную практику. Вторые же ведут нищенский образ жизни».

Профессор института общей патологии Миланского университета Рандани, назвав «абсолютно нищенским» положение университетских работников, подчеркнул, что в Италии «университеты превращаются в жалкие ремесленные школы вместо того, чтобы быть очагами прогрессивной культуры и центрами оригинальных научных исследований».

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

НОВОЕ МЕНЮ

Руководитель продовольственного отдела администрации по осуществлению «плана Маршалла» Деннис А. Фитцджеральд заявил, что страны, на которые распространяется американская «помощь», фактически не получат из Америки никакого другого мяса, кроме конины.

«СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЖАЗ»

В Америке появилась новая «сюрреалистическая разновидность джаза», именуемая «би-боп». «Би-боп» настолько атонален, что, по сообщению газеты «П. М.», обычный джаз кажется по сравнению с ним классической по мелодичности музыкой. Некоторые музыкальные критики утверждают, что новый вид джаза «имеет такое же отношение к музыке, как и ангина».

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ В. Г. БЕЛИНСКОМУ

К сотой годовщине со дня смерти В. Г. Белинского в Малой аудитории Политехнического музея откроется выставка, посвященная жизни и творчеству великого критика.

Экспонаты выставки, которую подготовляет Государственный литературный музей, покажут детские и школьные годы Белинского в Чембаре и Пензе, университетские годы в Москве, связь с кружком Станкевича, участие великого критика в журналах «Отечественные записки» и «Современник».

Эта тематическая схема выставки была обсуждена на последнем заседании Всесоюзного комитета по проведению столетия со дня смерти Белинского, состоявшемся 15 мая под председательством А. Фадеева.

С сообщениями о вышедших и выходящих в ближайшее время изданиях произведений Белинского и книг о нем выступили представители Гослитиздата, Детгиза и др.

Новые книги

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Авдеев В. Прасковья Гуденко. В серии «Герои сталинской пятилетки». 79 стр. Цена 1 р.

Арамилев И. Охотничьи рассказы. 168 стр. Цена 7 р.

Вигдорова Ф., Печерникова Т. Двенадцать отважных. Рассказ о пионерах села Покровского. 120 стр. Цена 8 р.

Зигель Ф. Хвостатые звезды. 184 стр. Цена 4 р.

Ильин М. От Черного до Каспийского моря. 254 стр. Цена 5 р. 50 к.

Кириленко И. Последний рейс «Колы». 128 стр. Цена 8 р. 50 к.

Ошанин Л. Всегда в пути. Стихи и песни. 160 стр. Цена 5 р.

Поповкин Е. Чистая криница. 311 стр. Цена 12 р. 50 к.

Федоров П. Глубокий рейд. 235 стр. Цена 8 р.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Брагин М. От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. 298 стр. Цена 11 р. 75 к.

Лейся, песня, над Москвой. 63 стр. Цена 1 р.

Леонтьева Т. Будущее принадлежит им. 267 стр. Цена 12 р.

Матусовский М. Слушая Москву. Стихи. 178 стр. Цена 5 р.

Островский А. Избранные пьесы о Москве. 379 стр. Цена 17 р.

Павленко П. Счастье. Роман. 303 стр. Цена 11 р.

Поляков М. Белинский в Москве. 1829—1839. 314 стр. Цена 13 р. 50 к.

Обложка книги лауреата Сталинской премии И. Ликстанова. Работа худ. Н. Витинга

Софронов А. Марш победителей. Стихи. 184 стр. Цена 8 р. 50 к.

Холодковский В. Московские встречи. 90 стр. Цена 1 р. 75 к.

ГЕОГРАФГИЗ

Бублейников Ф. История открытий ископаемых богатств нашей страны. 342 стр. Цена 7 р. 50 к.

Докучаев В. Учение о зонах природы. 63 стр. Цена 1 р. 60 к.

Козлов П. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. 328 стр. Цена 14 р. 50 к.

Коцебу О. Путешествия вокруг света. 332 стр. Цена 12 р.

Ливингстон Д. Путешествия по Южной Африке. 328 стр. Цена 14 р. 50 к.

Марков К. Основные проблемы геоморфологии. 343 стр. Цена 18 р.

Мурзаев Э. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. 314 стр. Цена 10 р.

Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 310 стр. Цена 13 р. 50 к.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. 383 стр. Цена 10 р. 50 к.

Стенли Г. В дебрях Африки. 402 стр. Цена 14 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гильберт Д. и Аккерман В. Основы теоретической логики. 304 стр. Цена 14 р. 60 к.

Лаффит Ж. Живые борются. 292 стр. Цена 13 р. 20 к.

Плена А. Ветер в оливковых рощах. Испания сегодня. 340 стр. Цена 18 р. 20 к.

Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики. 228 стр. Цена 13 р.

Сасюлв Р. ИГ Фарбениндустри. 244 стр. Цена 12 р. 50 к.

Сельдес Д. Тысяча американцев. 400 стр. Цена 17 р. 90 к.

Фицджеральд У. Африка. Социальная, экономическая и политическая география ее главных районов. 695 стр. Цена 30 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5. Б—01739.